

ХРОНОГРАФ XIV В.

Восточная Литература

<http://www.vostlit.info/haupt-Dateien/index-Dateien/H.phtml?id=2062>

Публикация 1973 г.

Текст

Публикации 1980 г.

Кавказский этнографический сборник

Текст

Летописи и хроники

Предисловие

Текст

ГРУЗИНСКАЯ КНИЖНАЯ ЛЕГЕНДА О ЧИНГИСХАНЕ

Сохранились две исторические хроники средневековой Грузии, которые содержат сведения о завоевании монголами Кавказа. Одна из них принадлежит анонимному историку, современнику царя Георгия IV Лаша (1213-1222 гг.), очевидцу первого вторжения монголов в Грузию¹; вторая — обширное анонимное историческое повествование, известное под названием “Хронограф XIV века”². Именно в нем приведены различные сведения историко-этнографического характера о монголах и подробно описаны взаимоотношения завоевателей с поработанным населением Грузии.

По свидетельству грузинского историка (что видно также из текстологического анализа Хронографа), он пользовался источниками различного характера, как письменными, так и устными³. Некоторые подробности описания быта и истории монголов в этой хронике согласуются с данными монгольских источников. Однако автор вряд ли пользовался ими непосредственно. На этот счет он делает вполне ясное заявление “В древних книгах где-либо не найти повести о них” (монголах.— Г. Ц.). Выясняется, что аноним вращался в близких к монголам общественных кругах, где он и мог получать необходимые ему сведения.

Среди разнообразных исторических материалов, сообщаемых анонимом, особый интерес может вызвать зафиксированное им сказание о Чингисхане. Перевод и исследование этого сказания публикуются на русском языке впервые.

Повесть о Чингиз-каене, как явился он в стране Восточной

В стране Солнечной на Востоке, которую именуют Чинмачин, явились люди некие из местности дивной, именуемой Каркорум, чуждые ликом, нравами и внешностью. Ибо в древних книгах где-либо не найти повести о них, потому как суть они чужды по языку, чужды обличьем, чужды бытом; не знали вкуса хлебного, но мясом и молоком бессловесных питались. Однако были телом совершенны, плотью дородны и мощны ногами, прекрасны и белолицы, с глазами узкими и карими, удлиненными и яркими; большеглавые, с волосами темными и частыми, плосколобые, с носами настолько низкими, что щеки возвышались над носами и видны были лишь маленькие ноздри; губы малые, зубы ровные и белые; совершенно безбородые. Такие необычные имели они лица. Но не удивитесь никто тому, что все они — и мужчины и женщины — обладали какой-то удивительной внешностью. Вместе с тем обрели они мужество и были лучниками [115] избранными, безупречно стреляющими из своих тугих луков тяжелыми стрелами, удара которых не выдерживали никакие доспехи. Особенно ловки они были на лошадях, ибо на лошадях они вырастали, не знали доспехов, кроме лука и стрел.

Так были дивны эти люди, что, глядя на них, можно было признать их безумными. Но всякая мудрость обреталась среди них, и обладали они разумом полным, малоречивые, и слова лживого — не было промеж них нигде. Не было у них подобострастия пред лицом человека: ни пред великим, ни пред малым даже на совете, ибо владели добрым порядком, сотворенным Чингиз-каеном, говорить о чем подробно стало долгой речью ⁴.

Была в законе у них вера в единого бога бессмертного: [они] обращали лицо к солнцу на восток, трижды преклоняли колена, трижды кланялись, концом среднего пальца касались ладони и прищелкивали, и более ничего.

Уйгуры же были служителями идола, которого называли Куджном. Обрели они письмо с малым [количеством] букв, ибо пишут они книги ⁵ имея [в алфавите] шестнадцать букв, которые просты для изучения и легко понимаемы. Они же создали в виде короникона [цикл] двенадцать лет по названию двенадцати бессловесных животных и каждого бессловесного животного поставили во главе каждого года, как некогда в древности мудрые эллины [создали] двенадцать зодиаков, что суть звезды и созвездия солнца и луны. Каждому из этих созвездий отвели они по тридцать солнечных дней (и суть они животные, но [знаки] зодиака), также во главе каждого года отвели место одному животному и по истечении двенадцати [лет] животных начинали заново... достигнув двенадцатого года, вновь начинают счисление лет, которые называют так: Колгунджил, Укурджил, Парсинджил, Тавлаинджил, Луилджил, Могилджил, Моринджил, Кокинджил, Мечинджил, Таганджил, Нохинджил, Какаинджил. Таковы названия двенадцати животных, каждому из которых отвели главенство каждым годом и первым из них сделали Колгуна, которое есть Мышь, затем идут Корова ⁶, Леопард, Заяц, Дракон, Змея, Лошадь, Овца, Обезьяна, Курица, Собака и Свинья. Это имели они для счисления лет, как мы, грузины, короникон.

В обычае же было у них поклонение единому богу, которого на языке своем называли Тенгри. И начинали писать так: “Мангу Тенгри Кучундур”, то есть: “Силою бессмертного бога”.

Обходились они малым [количеством] пищи, ибо ели всякую тварь: плоть кошачью, собачью и всякую.

Племя их прежде, так же, как и ныне, делилось на множество родов, из которых упомянем лишь двенадцать названий: первейший род: Сакиры, [затем] Хинди, Каты, Налир, Оирд, Сулдус, Нахимы, Конкард, Мангут, Тангуты, Каит и Угуры. Угуры же поклоняются идолу, которого называют Кунджитом. Они называют себя на языке своем монгол, грузины же — татарами, коих представлю единым миром.

Но из рода Каитов, одного из племен, выделился человек по имени Темурчи, который и есть Чингиз-каен. Был он добролик и красивый, телом рослый, с волосами рыжеватыми многосильный, храбрый, в бою отважный, искусный стрелок, глубокомысленный и в помыслах удачливый. Пошел он для получения даров и почестей к знатнейшему их [рода] царю, именуемому ханом и которого называли Онханом. Как только узрел его [Темучина], возлюбил его за достоинства, возвел его в великую честь впереди всех ему равных знатнейших вельмож. Вручил ему предводительство своим войском и всюду были сокрушены ослушники и отступники, и отовсюду возвращался он победителем к патрону своему, царю Онхану. Он же возвел его [Темучина] в великую честь.

Стали этому завидовать брат Онхана по имени Уткин, и его же сын Колак и донесли Онхану, а именно: “Замыслил захватить царство твое и называют его [уже] ханом, то есть каеном”. Тогда решил [Онхан] убить его, но учуял Темурчи замысел сей, ибо [116] сказали [об этом] ему два неких человека, которых звали: одного Колак и другого Бад, а именно: “Возжелал Онхан смерти твоей”.

И он бежал, и с ним вместе двое тех людей. Пришел он в дом свой — юрту, поднял семью и шел один день и одну ночь. Затем бросив семью, вещи и имущество, подошел к берегу той самой реки, которую называют Бладжун, несколько удалил свою дружин и ушел в некое ущелье.

Но разведаль Онхан о бегстве Темурчи, стремглав пустился за ним и нагнал семью и имущество его. Захватил пленных множество, и нагрузилось добычей войско его. Тогда нагрязнул Темурчи на все войско Онхана. Произошла битва мощная и жестокая было истреблено с обеих сторон неисчислимое [множество людей] и одолели Онхана пустились в погоню, схватили и убили Онхана. Стремглав нагрязнул на семью Онхана прибрал к рукам все богатства его, жену его и детей, кроме старшего сына Онхана Колака.

И воссел на престоле Онхана и нарекли Темурчи именем Чингиз-каен.

Вслед за этим начал воевать против царя конгардов Алтухана, одолел и убил его и овладел царством его. Затем сын Онхана Колак пришел к некоему Горхану и (вместе с ним) воевал против Чингиз-каена. Он же [Темурчи] вступил в борьбу с Горханом одолел его, убил Горхана и подчинил войска Горхановы.

Вслед за этим двинулся он на уйгуров, тех, что называли царя своего Едутум. В же пору эмуром [эмиром — ?] у уйгуров был некий Сарчук, дивные дела которого сказочны да и суть сказки и поганы, и потому говорить о них ныне не место. Но Чингиз каен смилостивился над ним, держал его в уважении, прибрал множество татар и подчинил [их], подчинил он также каркитов.

И как только он устроился над татарами, явился некий дивный человек, которого именовали родом из Тебтунов. Он предстал перед каеном и сказал следующее: “Я пойду на гору ту, что называют Балик: слышу глас божий. То велит бог: отдаю Темурчи его воинам все земли и да будет ему именем Чингиз-каен”.

Но было сказано и то, что Чингиз-каен взошел на гору высокую и явился ему владыка Иисус Христос, бог всех, и он научал [Чингиса] праву, вере, невинности и истине отречению от лжи, воровства и всякого (прочего) зла и говорил: “Защити эти заповеди и все земли и племена я вручаю тебе. Иди и забирай все земли, какие только тебе под силу”.

Став каеном, пришел он в Хатаети и вошел в церкви, узрел в них образ Спасителя Иисуса Христа и тотчас же поклонился ему и сказал: “Вот тот человек, которого видел я на горе Чинетской, был он такого же лика и научал меня всем законам моим”. Возлюбил его Чингиз-каен, благословлял его и все заповеди, данные им, твердо соблюдал. Затем воевал с хатаетским ханом Арслан-ханом и одолел его. Захватил двести тысяч его людей и казил их. Узнав об этом, Арслан-хан вошел в дом свой с женой и детьми и повелел слугам своим поджечь тот дом. Они и совершили то. И сгорел в огне тон Арслан-хан с семьей своей. Вошел Чингиз-каен и воссел на престоле его и покори́л Хатаети. Так это и есть по сю пору”.

Легенду о Чингисхане автор Хронографа начинает с этнографического экскурса о монголах. На фоне этого повествования выведен образ монгольского хана.

Грузинский летописец хорошо знаком с бытом и нравами монголов⁷. Даже отдельные детали, которые на первый взгляд могут показаться случайными, находят точную аналогию в монгольских источниках. Так, в Хронографе сказано: “Всякая мудрость обреталась среди них, и обладали они разумом полным, малоречивые, и слова лживого не было промеж них нигде..., ибо владели добрым порядком, сотворенным Чингиз-каеном”. Все это соответствовало нормам общественно поведения, установленным “Ясаком” Чингисхана, и этическим предписаниям “Тайной истории монголов”. Рашид-ад-дин сообщает специальное предписание монгольских правителей, требующее строжайшего соблюдения изданного ими закона. “Если кто-либо дерзнет, — [117] говорилось в законодательстве монголов, — и совершит деяние, не соответствующее законам и порядкам старым и новым, то его за это постигнет наказание и достойная вины расплата”⁸.

„Джасак" ² Чингис-хана,— писал прекрасный знаток истории и быта монголов Б. Я. Владимирцов,— сыграл огромную роль в жизни созданной им империи и долгое время служил монголам основным кодексом права. Так как „Джасак" действовал с неумолимой строгостью, то в империи Чингиса скоро установился образцовый порядок; убийства, ложь и прелюбодеяния сделались в среде самих монголов редким явлением" ¹⁰. Известна монгольская поговорка, приписываемая Чингисхану: “Если много говорить станете, то много ли пользы будет от слов" ¹¹. Но все это имело отношение к внутренней организации только монгольского общества. Строжайшая дисциплина способствовала планомерному разорению завоеванных стран. Народы, попавшие под иго монголов, на долгие века, становились объектом грабежа, унижений и бесчинств. “Бедствия, которые постигли все страны,— писал один из армянских авторов XIII в. в связи с завоеванием монголами Кавказа,— "превосходят все, что история может рассказать" ¹². Само слово “татар” т. е. “монгол”) в армянском и грузинском языках стало синонимом опустошительного смерча. Монгольское иго, писал К.Маркс, “не только давило, оно оскорбляло и иссушало душу народа, ставшего его жертвой... татары установили режим систематического террора, разорение и массовые убийства стали обычным явлением” ¹³.

Автор грузинского Хронографа, тяжело переживавший постигшую его родину катастрофу, идеализировал порядки, существовавшие именно в среде самих монголов, противопоставляя их феодальной анархии современной ему Грузии. Характерно, что при описании внутривосточного состояния своей страны накануне нашествия войск Чингисхана грузинский хронист употребляет термины, прямо противоположные тем, вторые он использует для характеристики “монгольского порядка”. “Цари и мтавары, — читаем мы в Хронографе, — отрешились от истины и милосердия, прямоты, покоя, справедливости, а взамен обрели высокомерие, насилие, убийство, хищения, разврат, безнравственность” ¹⁴.

В древнегрузинский текст приводимого нами сказания составитель и автор комментариев С. Г. Каухчишвили внес ряд конъектур. Одна из них касается описания пищи монголов. В оригинале сказано: “обходились они малым (звучит *мцурета*) [количеством] пищи”. С. Г. Каухчишвили предполагает, что это слово можно прочесть по-другому, если раскрыть имеющийся в рукописи титл: *мцурета* мц(ена)рета — “растительный” ¹⁵. Такая конъектура вполне оправдана с точки зрения лингвистики. Кроме того, трудно себе представить, чтобы автор, лично знавший монгольских завоевателей, мог писать, что монголы довольствовались “малым количеством пищи”. Как известно, в истории монгольских племен важную роль играли так называемые “лесные племена”, к которым, [118] кстати, принадлежал и сам Темучин ¹⁶. А в быту “лесных” народов; растительная пища должна была занимать заметное место. По свидетельству “Тайной истории”, мать Темучина кормила своих детей кореньями, черемухой, дикими яблоками, луком и чесноком; питались монголы также древесным соком ¹⁷. Еще и теперь монгольские скотоводы широко употребляют в пищу дикорастущие растения ¹⁸ и вполне естественно, что и в средние века они занимали большое место в рационе монголов. “Несомненно, что кочевники монгольских степей, — пишет А. П. Окладников, — всегда собирали съедобные корни” ¹⁹. Характерно, что летосчисление у монголов до того, как они заимствовали животный цикл, по свидетельству источников, велось “по выростанию травы” ²⁰. Известно также, что земледельческие племена были активными участниками походов Чингисхана ²¹. Таким образом, предположение С. Г. Каухчишвили исторически-оправдано, а предложенная им конъектура дает возможность использовать данный текст как источник по этнографии древних монголов.

Несомненный интерес представляет перечисление автором 12 наиболее хорошо ему известных “монгольских” племен. Однако идентификация их связана с некоторыми трудностями. Значительная часть приведенных в Хронографе этнонимов искажена позднейшими переписчиками, которые один и тот же термин в разных местах нередко переписывали по-разному (угуры — уйгуры и т. п.).

Так, неясно, какой этноним был искажен переписчиком, когда он в свою рукопись вписывал название племени *сакиры*. Можно лишь предполагать, что это были икиресы (при возможном наличии грузинского локативного префикса *са*), которых Чингисхан, по словам Рашид-ад-дина, в 1218 г. отправил на войну с Китаем ²². Хинды — это, должно быть, индийцы. Но известно, что грузины, как и армяне, под термином “индийцы” (хинды) часто подразумевали различные неиндийские племена, в особенности жителей пустынь. Неясно, кто такие *каты*. *Джамир*, вероятно, означает *джалаиры*,

которые в составе *икиресов* (сакиров — ?) и *кунгиратов* участвовали в походе против Китая. *Оирд* — это ойраты (самоназвание одного из западномонгольских племен). Впервые они упоминаются в XIII в., и, таким образом, грузинский Хронограф XIV в. содержит одно из ранних письменных свидетельств об ойратах. Конкретная этническая принадлежность племен *сулдус* и *нахим* неясна, но они, возможно, принадлежали к тюркоязычному населению и принимали активное участие в завоеваниях монголов. *Конкард*, вероятно, монгольское племя *кунгират*, совместно с *икиресами* (сакирами — ?) и *джалаирами* (джамирами — ?) посланное Чингисханом для завоевания Китая. *Мангуты* — так на Востоке называлось монгольское племя, известное на Западе как *ногайцы*. *Тангуты* — одно из тибетских племен. Они создали средневековое государство Си-Ся, которое было уничтожено Чингисханом в 1227 г. У тангутов была высоко развита культура земледелия. *Каиты* — это *киаты*, союз племен, выходцем из которого был сам Чингисхан. И наконец, *угуры* (или *уйгуры*) — предки современных уйгуров, оказавшие большое культурное влияние на собственно монголов. Приводимые в Хронографе этнонимы требуют дальнейшей расшифровки, что можно сделать совместными усилиями лингвистов, [119] историков, этнографов различных специальностей. Перечисленные анонимом племена указывают на этническую пестроту и неоднородность монгольских завоевателей в самой Грузии, повлиявшие на характер грузинских заимствований из монгольского языка. Эти заимствования до сих пор совершенно не изучены.

В одном из списков Хронографа вместо слов “плоть кошачью” “хорца катисаса”) вписано “плоть человеческую” (“хорца кацисаса”) ²³. По нашему мнению, именно последний вариант должен быть аутентичным. При переписке летописи могла произойти ошибка, вызванная схожестью начертаний грузинских букв Т и Ц.

В монгольских летописях не раз упоминается “человеческое мясо” как “пища” богатырей. Эпические стихи “Тайной истории” повествуют о том, как мать Темучина “откормила одного своего сына человеческим мясом... Глотнет целого человека вместе с колчаном — в глотке не застрянет; съест целого мужика — не утолит сердца, осердится, пустит стрелу свою... через гору — десяток — другой людей на стрелу нанижет” и. т. д. ²⁴. В монгольском источнике также немало аллегорически переданных эпизодов, в которых соратники Темучина называются “псами”, откормленными “человеческим мясом”, а побежденных неприятелей варят в котле. Кроме того, имеются сведения и о человеческих жертвоприношениях. Описывая пиршество Чингисхана в связи с восшествием его на престол, Рашид-ад-дин специально отметил: “Выбрали сорок красивых девушек из родов и семей находившихся при нем эмиров и в дорогих одеждах, украшенных золотом и драгоценными камнями, вместе с отборными конями принесли в жертву его духу” ²⁵. В свете этих фантастических рассказов грузинский историк мог создать себе представление о существовании каннибализма у древних монголов.

Особый интерес представляет описание монгольского 12-летнего животного цикла. Это одно из наиболее ранних сведений о древнемонгольском календаре. “Сообщая о 12-летнем цикле у монголов,— отмечал Б. Я. Владимирцов, — грузинский автор приводит монгольские названия циклических животных”, они “те же, что и теперь у тибетцев, монголов и маньчжур” ²⁶.

В самой монгольской литературе сведения о Чингисхане сохранились в литературных памятниках XIII в. (близких ко времени жизни и деятельности самого героя и потому отличающихся сравнительной точностью), а также в литературных памятниках XVII в. От XIV—XVI вв. до нас не дошло произведений на монгольском языке, в которых говорилось бы о Чингисхане ²⁷. Это придает особую ценность грузинскому источнику.

Грузинская легенда, идеализирующая Чингисхана, могла быть в ходу у той части грузинских феодальных кругов, которая сотрудничала с монголами. Безупречность целого ряда приводимых летописцем [120] монгольских фраз и терминов, знание им уйгуро-монгольской письменности свидетельствуют о контактах грузинского автора с соответствующими его, очевидно, высокому социальному рангу представителями монгольского общества. Вместе с тем ни местные антимонгольские традиции, ни даже “Тайная история монголов”, отголоски которой звучат в Хронографе, не могли дать повода для лестной характеристики личности “завоевателя мира”. Не исключено, что грузинский автор отразил устные традиции монголов середины XIV в., основным

мотивом которых была идеализация образа Чингисхана. Об использовании грузинским анонимом именно устных источников может свидетельствовать характер приводимых им монгольских слов и выражений²⁸.

Грузинская легенда о Чингисхане носила книжный характер и не получила распространения в народе. Более того, в грузинской народной речи слова “чингис”, “чингискаен” до сих пор являются синонимами грубости.

Общеизвестно, что наиболее активными борцами против монгольского владычества в Закавказье, как и во всех завоеванных монголами странах, выступали именно народные низы. Автор Хронографа неоднократно говорит о той непримиримости, с которой относилось к монголам не только трудовое население Грузии, постоянно готовое к антимонгольским восстаниям, но и воины, вербовавшиеся завоевателями среди грузин и увлекаемые ими в свои походы²⁹.

Таким образом, не только тенденциозность, но и оригинальность; грузинского сказания о Чингисхане несомненны. Многочисленные сведения о монгольском императоре имеются и в других средневековых источниках (персидских, армянских, арабских), но они не могли дать нашему автору тех материалов, какими он в данном случае пользовался. Выясняется, что единственным источником могла быть “Тайная история монголов”. Но, как известно, по специальному предписанию властей, к нему имели доступ лишь избранные представители монгольской элиты. Следовательно, остается предположить, что грузинский летописец создал своеобразный текст сказания о Чингисхане, основываясь, вероятно, на устных рассказах близких ему представителей монгольского общества. Начало политической деятельности Чингисхана грузинский аноним, связывает с именем “царя” Онхана. Это иранская форма (иранская традиция в общем не была чужда нашему историку) имени Ван-хана — одного из сильных монгольских владык³⁰. Ванхан был другом отца и названным отцом Темучина. Он был первым союзником Темучина на его политическом поприще. Рассказ летописца о том, что Темучин пошел “для получения даров и почестей к главнейшему их (рода), царю их, именуемому ханом и которого звали Онханом”, хорошо согласуется с историческими данными “Тайной истории монголов”. Отправляясь к Ванхану для заключения с ним союза, молодой Темучин преподнес названному отцу единственную имеющуюся тогда у него драгоценность — “черного соболя доху”, приданое своей жены. В “Тайной истории” говорится: “Эту доху Темучин... повез Ванхану... Приехав к Ванхану, Темучин сказал: „Когда-то вы с родителем моим побратались, а стало быть, вместо отца мне; в таком рассуждении я и женился, поэтому я тебе привез свадебный подарок — одежду”. С этими словами он поднес ему соболю доху”³¹. Великая честь, которая, по словам грузинского автора, при этом была оказана Онханом Темурчи, и преданная служба последнего своему названному отцу и сюзерену также [121] совпадает с данными монгольского источника “Тайная история”: “Растроганный Ванхан дал такой ответ: „В благодарность за черную соболю доху объединю твой разъединенный улус. В благодарность за соболю доху соберу твой рассеянный улус””³². Став верным сподвижником Ван-хана, Темучин одержал ряд блестящих побед над его врагами. И, по словам грузинского историка, Темучин в качестве полководца Онхана одержал ряд побед над многочисленными народами, в результате чего были окончательно сокрушены все ослушники и отступники. Надо полагать, что в сообщаемом хронистом факте вручения Темурчи власти над армией звучат отголоски возведения его при покровительстве Ванхана в ханы³³.

Затем наступает разрыв между Темурчи и Онханом. Ход дальнейших событий по Хронографу также совпадает с сюжетной линией “Тайной истории”. Точно передана позиция сына Онхана. По “Тайной истории”, сын Ванхана Сангум именно из зависти к Темурчи стал настраивать против него своего отца. Когда Темурчи попросил у Ванхана руку его дочери, а Сангуму предложил в жены свою дочь, то Сангум отверг эти предложения из опасения потерять первенство в собственном роду³⁴. Эту позицию Сангума подтверждает и грузинский аноним.

Далее грузинский историк словно пересказывает “Тайную историю”. Заговор против Чингисхана³⁵ был раскрыт двумя табунщиками Ванхана — Кишлихом и Бадаем (у нашего историка — Колак и Бад). Короткая фраза анонима — “Возжелал Онхан смерти твоей” в “Тайной истории” передается подробно: “С позволения Чингисхана, тут нечего сомневаться и раздумывать: они порешили окружить и

схватить”³⁶. Данное вслед за этим в Хронографе описание военных действий, отступления Чингисхана и т. д., также соответствует историческим свидетельствам “Тайной истории”. Не обошлось, конечно, и без некоторых перемещений персонажей. Однако эти изменения вполне могли быть отражением своеобразного развития устных традиций монголов в XIV в.

Описание дружбы между Ванханом и Чингисханом, а затем разрыва между ними имеется и в сочинении Рашид-ад-дина³⁷. Но у него этот эпизод извлечен из другого источника, не имеющего ничего общего с “Тайной историей”. В рассказе Рашид-ад-дина нет того искреннего пиетета, с которым, по словам грузинского источника, Чингисхан относился к Ванхану. Очевидно, персидский историк, выражая интересы своих непосредственных заказчиков, написал наиболее общепринятую на рубеже XIII—XIV вв. идеализированную биографию Чингисхана. Согласно этой версии, Чингисхан с самого же начала своей политической деятельности представлен фигурой абсолютно независимой, что, по свидетельству монгольских источников XIII в., не соответствовало правде. Из грузинского Хронографа следует, что в официальную версию жизнеописания Чингисхана, очевидно, уже с середины XIV в. включались отдельные сюжеты из “Тайной истории”.

После победы над Онханом Чингис, по словам грузинского летописца, “одолеп и убил” некоего Гурхана. Гурхан — это Джамуга, вначале побратим, а впоследствии самый опасный враг Чингисхана. Хронисту он известен лишь по титулу, который Джамуга, согласно “Тайной истории”, присвоил себе, подражая могучим владыкам своего времени³⁸. [122]

О близости грузинской легенды к традициям “Тайной истории” могут свидетельствовать также сходные в обоих источниках описания покорения Чингисханом уйгуров. Согласно “Тайной истории”, уйгурский правитель Идуут, знавший о победах Чингисхана, изъявил желание добровольно подчиниться ему. Монгольский владыка “великодушно” согласился на это и даже усыновил уйгурского правителя и выдал за него свою дочь³⁹. Аналогично эти события переданы и в грузинском источнике. “Вслед за этим, — читаем мы в Хронографе, — двинулся он [Чингисхан] на уйгуров, которые называли царя своего Едутом... Но Чингис-каен смиловивился над ним и держал его в уважении”. Грузинский источник, передавая монгольскую традицию своего времени, идеализирует образ Чингисхана, ибо ожесточенной борьбы монголов с уйгурами, о которой говорит хронист, в действительности не было.

Мы намеренно выпустили из приведенного текста слова о каком-то, вероятно уйгурском, “эмире” Сарчуке: о нем, кроме приведенного здесь сообщения, ничего не известно. Очевидно, это фольклорный персонаж. Поэтому на первый взгляд не совсем понятное в оригинале свидетельство, над кем именно “смиловивился” Чингис-каен, мы решаем “в пользу” Едута-Идуута. Отметим, что у грузинского историка то же самое перечисление следовавших одна за другой побед Чингисхана, которое имеется и в “Тайной истории”⁴⁰. Это совпадение не случайно и еще раз может свидетельствовать об использовании грузинским летописцем бытовавших в его время среди близких ему монгольских кругов устных рассказов, задолго до того занесенных в монгольскую хронику.

О пристрастном отношении грузинского историка к Чингисхану свидетельствует также то, что он приобщает кагана к христианству. Средневековые рассказы о распространении христианства в Монгольской империи хоть и не были беспочвенны, но слухи значительно превосходили реальную действительность⁴¹. Грузинский летописец создал своеобразный текст по мотивам этих рассказов о христианском вероисповедании Чингисхана. Анонимный автор Хронографа, естественно, не мог дать каких-либо исторических сведений об “обращении” Чингисхана в христианство. Он лишь свидетельствует об ареале распространения этой легендарной версии.

(пер. Г. В. Цулая) Текст воспроизведен по изданию: Грузинская книжная легенда о Чингисхане // Советская этнография, № 5. 1973 © текст - Цулая Г. В. 1973 © сетевая версия - Thietmar. 2006 © OCR - Басов И. 2006 © дизайн - Войтехович А. 2001

Комментарии

1. См.: “Картлис цховреба” (составитель и автор комментариев С. Г. Каухчишви ли), т. I, Тбилиси, 1955, стр. 365-371 (на древнегруз. яз.); И. А. Джавахишвили, Древнегрузинская историческая литература, Тбилиси, 1945, стр. 244-245 (на груз. яз.); К. С. Кекалидзе, Этюды по истории древнегрузинской литературы, т. I, Тбилиси, 1956, стр. 288-299 (на груз. яз.).

2. См. “Картлис цховреба”, т. II, Тбилиси, 1959, стр. 151-325.

3. Там же, стр. 182 и др.; И. А. Джавахишвили, Указ, раб., стр. 255-257.

4. В другом месте своего произведения автор сообщает любопытную этнографическую деталь из быта древних монголов: “А для твердости клятвы трижды окунали чистое золото в воду и, проделав это, выпивали ее и, приняв доверившегося им, не преступали данную клятву” (“Картлис цховреба”, т. II, стр. 189-190).

5. Словом “книга” мы перевели грузинское “цигни”, что в древнегрузинском языке означало одновременно и “книга” и “письмо”.

6. В оригинале *зроха*, что по-древнегрузински значит и бык и корова.

7. См. И. А. Джавахишвили, История грузинского народа, т. III, Тбилиси, 1966, стр. 76-80, 335-336 и др. (на груз. яз.).

8. Рашид-ад-дин, Сборник летописей, т. II, М.-Л., 1960, стр. 20; его же, т. I, кн. 2, М.-Л., 1952, стр. 259 и сл.; Н. Ц. Мункуев, Заметки о древних монголах, сб. “Татаро-монголы в Азии и Европе”, М., 1970, стр. 365-366.

9. Распространенное в старой русской монголоведческой литературе название древнемонгольского свода законов.

10. Б. Я. Владимирцов, Чингис-хан, Пгр.-М.-Берлин, 1922, стр. 82-83; П. М. Майский, Чингис-хан, “Вопросы истории”, 1962, № 5, стр. 79.

11. Н. П. Шастина, Образ Чингисхана в средневековой монгольской литературе. Сб. “Татаро-монголы в Азии и Европе”, М., 1970, стр. 446; С. А. Козин, Сокровенное сказание, М.-Л., 1941, стр. 179, и др. (далее в тексте: Тайная история монголов).

12. История монголов по армянским источникам” (перевод К. П. Патканова), вып. 2, СПб., 1874, стр. 12; см. также: И. М. Майский. Указ, раб., стр. 74 и сл.; И. П. Петрушевский, Поход монгольских войск в Среднюю Азию. Сб. “Татаро-монголы в Азии и Европе”, стр. 100-126; Н. Ц. Мункуев, Указ, раб., стр. 360 и др.

13. K. Marx, Secret diplomatic history of the eighteenth century, London, 1969, p. 111.

14. “Картлис цховреба”, т. II, стр. 178.

15. Там же, стр. 160, прим. 1.

16. См. В. В. Бартольд, Соч. т. I, М., 1963, стр. 459; т. V, М., 1967, стр. 256.

17. С. А. Козин, Указ, раб., стр. 88-89; Б. Я. Владимирцов, Общественный строй монголов, Л., 1934, стр. 34-40.

18. А. П. Окладников, О начале земледелия за Байкалом и в Монголии, “Древний мир. Сборник в честь акад. В. В. Струве”, М., 1962, стр. 424-426.
19. Там же, стр. 425.
20. В. П. Васильев, История древности восточной части средней Азии от X до XIII в., СПб., 1857, стр. 217.
21. См. В. В. Бартольд, Соч., т. V, стр. 469.
22. См. Рашид-ад-дин, Сборник летописей, т. I, кн. 2, М.-Л., 1952, стр. 179.
23. “Картлис цховреба”, т. II, стр. 160.
24. С. А. Козин, Указ, раб., стр. 149.
25. Рашид-ад-дин, II, стр. 19; см. также С. А. Козин, Указ, раб., стр. 112, 147.
26. Б. Я. Владимирцов, Анонимный грузинский историк XIV века о монгольском языке, “Известия Академии наук”, 1917, № 17, серия 6, стр. 1488. См. также: М. Н. Тихомиров, Г. Г. Стратанович, О двенадцати монгольских месяцах в старинной русской письменности, “Сов. этнография”, 1958, № 3, стр. 21-27. 12-летний животный цикл сравнительно недавно был обнаружен и у некоторых кавказских народов — абазин, черкесов, кабардинцев, которые, по мнению исследователей, заимствовали его у ногайцев (см.: Г. П. Сердюченко, Счет по животному циклу у кабардино-черкесов, абазин и ногайцев, “Уч. зап. Кабардинского научно-исследовательского ин-та”, т. II, Нальчик, 1947; И. В. Захарова, Двенадцати летний животный цикл ; народов Центральной Азии, “Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АНКазССР”, т. VIII, Алма-Ата, 1960, стр. 37; “Очерки истории Калмыцкой АССР”, М., 1967, стр. 513).
27. См. Н. П. Шастина, Указ, раб., стр. 435.
28. Подробнее об этом см. Б. Я. Владимирцов, Анонимный грузинский историк XIV в., стр. 1495 и др..
29. Ср. Ю. М. Сихарулидзе, Борьба грузинского народа за независимость в XIII-XIV вв., Тбилиси, 1967 (на груз. яз.).
30. См. Б. Я. Владимирцов. Чингис-хан, стр. 55.
31. В. А. Козин, Указ, раб., стр. 95-96.
32. Там же, стр. 96, 99.
33. См. там же, стр. 111; Б. Я. Владимирцов, Чингис-хан, стр. 48.
34. С. А. Козин, Указ, раб., стр. 127; Б. Я. Владимирцов, Чингис-хан, стр. 56.
35. С. А. Козин, Указ, раб., стр. 127-129.
36. Там же, стр. 129.
37. См. Рашид-а д-дин, т. I, ч. 2, стр. 108-111, 249.

38. С. А. Козин, Указ, раб., стр. 116; В. В. Бартольд. Соч., т. V, стр. 528.

39. Рашид-ад-дин, стр. 174.

40. Там же, стр. 171 и сл.

41. См.: Я. М. Свет, Запад и Восток на рубеже XIII-XIV веков (в кн.: «После Марко Поло», М., 1968), стр. 9-11 и др.

ГРУЗИНСКИЙ «ХРОНОГРАФ» XIV в. О НАРОДАХ КAVКАЗА

Анонимный грузинский «Хронограф» XIV в. («Жамта-агмцерели») ¹ написан в период монгольского господства в Грузии. Несмотря на заметное принижение творческой активности грузин в этот период ² (а возможно, как естественная реакция на него), в Грузии происходила переоценка, своего рода критический пересмотр прошлого, преимущественно деятельности «царей и мтаваров», которые, как полагает аноним, исключительно личным поведением — распушенностью нравов, игнорированием «всяких добродетелей» (в противоположность «идеальному» образу жизни вражеских вожаков) довели страну до катастрофы ³.

«Хронограф» открывает новую страницу в истории грузинского летописания ⁴. Автор этого обширного повествования по существу является родоначальником реалистического направления в средневековой грузинской исторической мысли, решительно отвергшей романтическую оценку исторических фактов, характерную для писателей и историков эпохи расцвета Грузинского феодального царства ⁵.

В силу реалистичности творческой манеры анонима, рисующего правдивую картину положения своей страны в сложный период ее истории, особую ценность приобретают его сведения об этнополитической истории Грузии и сопредельных с нею народов. Как известно, в предшествующий монгольскому вторжению период Закавказье было разорено хорезмийским, шахом Джелал-ад-Дином в отместку за отказ грузинских правителей оставить союз против монголов, о реальной силе которых у грузин в то время были самые превратные представления ⁶.

Монгольское нашествие в Закавказье разразилось в период, когда в Грузии, как и в ряде стран Центральной и Передней Азии (в том числе и в Хорезме ⁷), этническая консолидация вступила в наиболее [194] активную стадию. Образование в XI-XII вв. централизованной феодальной монархии, сравнительно успешно проводившей борьбу с местным партикуляризмом, «обусловило довольно раннее образование в Грузии крупной феодальной народности, вобравшей в себя все стоящие близко друг к другу этнические группы» ⁸; в результате этого сложного-процесса в XI-XII вв. грузинский язык уже «сделался единственным языком широких коммуникаций между жителями разных частей Грузии, языком государственным, языком церкви, литературы и искусства. Все это имело результатом создание общегрузинской народности» ⁹.

Однако эти признаки находились в стадии начального развития, в этническом отношении Грузия по существу оставалась размежеванной на отдельные этнографические зоны. Княжеский сепаратизм, который в условиях феодальной формации может быть лишь более или менее-эффективно заторможен, но отнюдь не ликвидирован, в Грузии в значительной мере опирался на особенности именно этих отдельных этнографических зон. Сложность этнического состава Грузии усугублялась присутствием значительной части некартвельских элементов, которые нередко выступали с собственными политическими притязаниями. Достаточно вспомнить известный факт сдачи осажденного Тбилиси Джалал-ад-Дину исключительно по инициативе тбилисских персов, которые, однако, пострадали от этого одинаково с остальными жителями города — грузинами, армянами и др. ¹⁰

Установление в Грузии иноземного господства легло тяжелым бременем на все местное многоплеменное население в равной мере; поборами и военной обязанностью облагались все жители независимо от их племенной принадлежности. Это обстоятельство вырабатывало у разноэтнического населения Грузии единое чувство протеста и солидарности перед: лицом общих поработителей.

К рассматриваемому времени в Грузии уже существовала традиция обобщающего понимания терминов «Грузия» и «грузины». Таковыми были определения «вся Грузия» — «Кловели Сакартвело» или даже просто «Сакартвело» в его собирательном значении¹¹. Эта традиция непосредственно восходит, вероятно, к XI в. и особенно усилилась в период, правления в Грузии Давида IV Строителя (1089-1125)¹². Указанный процесс этнополитической консолидации населения Грузии находим также в самой титулатуре местных правителей: «Царь абхазов, картлийцев, кахов, ранов....» и т. д., в которой закономерно приведены названия лишь христианских народов. Это свидетельствует о том, что процесс распространения христианства в данном случае предшествовал политическому включению названных в титулатуре народов в пределы «всей Грузии» и затем обуславливал признание их в целом «народом Грузии».

Процесс постепенного объединения различных этнических групп, развития сознания общности в борьбе с монголами (XIII-XIV вв.) окончательно вышел за пределы наиболее развитых равнинных регионов Грузии и перекинулся в горные области, населенные племенами, [195] родственными предкам современных народов Северного Кавказа. Горная Грузия так и не вошла окончательно в состав монгольской империи. «Гор, ущелий, крепостей здесь много, — писал о Грузии Марко Поло, замечая преимущественно внешние стороны обстановки, — и татары не могли подчинить эту страну вполне»¹³. Превращение горной Грузии и прилегающих к ней территорий расселения адыгов, осетин (овсов-алан), вейнахов и др. в один из очагов сопротивления монгольским завоевателям в Закавказье способствовало сближению части названных племен с грузинами. Особая роль в сопротивлении монголам на Северном Кавказе принадлежала аланам (овсам).¹⁴ Как и в предшествующие века, эти горные племена играют активную роль в исторических событиях Грузии. Наш источник свидетельствует о довольно больших возможностях овско-аланского элемента в Грузии как в политической, так и экономической сфере.

Но общность политических задач и даже нередкая согласованность действий в антимонгольском движении не всегда приводили к этнической консолидации различных племен Грузии (в особенности негрузинского происхождения) вокруг собственно грузин и выработке на этой почве общности их этнического самосознания. Причинами этого были, с одной стороны, достаточно высокое социально-экономическое развитие некоторых народов Северного Кавказа (например, овсов-алан и др.), с другой — политическое, экономическое и культурное ослабление самих грузин, мешавшее активно интегрировать порубежное население. Поэтому в это время происходила лишь частичная ассимиляция грузинами соседних с северными областями Грузии горных племен, в результате чего расширились существовавшие здесь уже и прежде грузинские этнографические группы.

На политическом поприще Грузии этого периода выступают видные деятели, имена которых выдают их этническое происхождение: «абхаз Шарвашидзе Дардин», Джикур, Торгуа Панкели, Садун Манкабердели и др. Это были представители высшей родовой и феодальной аристократии, вышедшие из среды абхазов, адыгов, вейнахов, курдов, армян и др.

Процессы консолидации феодальной грузинской народности и дальнейшего слияния с нею части некартвельских племен были надолго задержаны внутривнутриполитическими мероприятиями монгольских властей, не только углубивших феодальную раздробленность страны, но и юридически санкционировавших ее. Монголы разделили Грузию на два фактически самостоятельных царства, которые впоследствии подверглись дальнейшей феодальной парцелляции, обособлению автономных этнографических групп и областей. Этот процесс был прекращен лишь с присоединением Грузии, а затем и всего Кавказа к России.

*

Ниже мы приводим переведенные нами извлечения из «Хронографа», в которых отражены различные стороны взаимоотношений многочисленных племен Кавказа с Грузией в период монгольского господства. Под этим углом зрения составлены нами также и примечания ¹⁵.

I. «А у оного Чингиз-каена было множество и жен, и детей. От старшей супруги [по имени] Севинджи ¹⁶ был у него сын, коего звали Туби ¹⁷ и [196] коего грузины именовали Джочи; второй — Чагата, третий — Окропа ^{17a}, четвертый Тули... Старшему сыну Туби дал половину [собственного] войска и отправил в Великую Кивчакию, Овсети, Хазарети и Русь до [земель] Мрака» (с. 163).

II. «Прошли Туран, Джеон, Хуарасан, Ирак, Адарбадаган ¹⁸ и достигли Гандзы ¹⁹. И никто не противостоял. Кто бы не являлся — побеждали всех...

Они же [татары], пред этим разбив лагерь на берегу Бердуджи, ныне называемой Сагимом ²⁰, мигом оседлали коней и вступили в схватку. И разразилась жестокая битва. Половина татар бежала, а [другая] цоловина скрылась в засаде и нагрязнула с тыла. И тут постиг нас гнев небесный за безверие и прегрешения наши, и бежали грузины, их войско и сам царь Лаша ²¹...

А татары достигли Самшвилде ²² и оттуда повернули вспять и тут содеяли дела удивительные: пошли по дороге Дарубандской ²³, и потому как не смогли противостоять им ни Ширваншах ²⁴, ни дарубандцы, прошли они ворота Дарубандские и вступили в Кивчакию ²⁵, [жители] которой навязали им бой, и много раз кивчаки вступали в схватку, но повсеместно одолевали татары и так с боями удалились. И, как я уже говорил, без-доспехов и на некованных лошадях, проделав столь долгий путь, пройдя Кивчакию и обогнув море Дарубандское, достигли Каракурума и предстали перед царем своим Чингиз-каеном...» (с. 164, 165).

III. «По представлении царя [Георгия IV Лаша] собрались все вельможи его царства, имеры и амеры ²⁶, оба католикоса и епископы, от Никоинси ²⁷ и до Дарубанда, все пребывавшие в подданстве его, и признали государыней Русудан» ²⁸ (с. 168).

IV. «Голпа [неприятелей] схватила Шалву ²⁹, а Иванэ ^{29a} скрылся в скалах Гарниса, где был убит сброшенным сверху камнем. Шалву подвели к султану Джалалдину. Нахчеванцы и адарбадаганцы опознали его и поведали султану о его мужестве и ратных доблестях» ³⁰ (с. 171).

V. «Разорив таким образом Тбилиси, начали набегать, полонять, побивать и умерщвлять Сомхити и Кабечиани и берега Иори, Картли и Триалети, Джавахети и Артани...» (с. 178).

VI. «Царица Русудан, стесненная этими невзгодами, пребывала в Кугаиси и всей Абхазии» ³¹ (с. 179).

VII. «Первородному сыну [Чингисхан] вручил половину армии и отправил в Великую Кивчакию до [страны] Мрака, в Осетию, Хазарию, Русь, до боргаров и сербов, ко всем туземцам Северного Кавказа, как о том говорено мною» (181).

VIII. «Проведав о том, султан Джалалдин снялся с Тбилиси со всеми домочадцами и скарбом, двинулся на войну с татарами и пришел в Адарбадаган. Отправил посланника к султану Хлатскому и халифу, владетелю Багдада, дабы вспомоществовали ему, самим себе и друг другу» ³² (с. 182).

IX. «Узнав о том, султан решил, что ему и адарбадаганским войскам не выстоять против [татар]; покинул Адарбадаган и вновь двинулся на Тбилиси. Узнав об этом, царица Русудан созвала все свое воинство, имеров и амеров, мандатурт-ухуцеса Шанше, амирспасалара Авага, мсахурт-ухуцеса Варама, эров-кахов, сомхитаров ³³, джавахов, месхов, таойцев; Цотнэ Дадидани — человека почтенного и благородного; абхазов, джиков и все имерское царство, говорить о чем подробно недосуг. И отверзла

Врата Дариальские и пропустила овсов, дурдзуков³⁴ и заодно с ними всех горцев. Собрались в Начармагеви во множестве неисчислимом, и отправила царица их на войну с хорезмийцами» (с. 182-183).

X. «И обратившись от погони за хорезмийцами, татары двинулись и разорили земли Хлата³⁵ и Валашкерта^{35a}. И не в силах был противостоять султан хлатский, но укрепился в городе. А татары ушли в Адарбадаган, и был установлен мир между таврежцами и татарами³⁶, [татары] забрали Тавреж и прилегающие к нему земли. На второй год двинулись в Бардав, Гандзу [197] и Муган³⁷ и оттуда начали [устраивать] набеги на Грузию и разорять ее, стали [грабить] выше Дарубанда — земли Ширвана и Кабалу³⁸, Эрети³⁹, Кахети, Сомхити да земли Аршакунианов — Двин и Ани» (с. 186).

XI. «А вышеупомянутые те нойоны вступили в Картли, Триалети, Сомхити, Джавахети, Самцхе, Шавшети, Кларджети, Тао, Кола, Артани, Аписи и налетели, словно саранча, на разорение и истребление, и не было радости нигде, нещадно разорялась вся эта страна. Мандатуртухуцеси⁴⁰ Шаншэ бежал в земли Аджарские, амирспасалар Аваг удалился в крепость Каен⁴¹, и Варам Гагсли бежал в Кутаиси⁴², а также эры, кахи, сомхитары-картлийцы, месхи, таойцы, торел-артан-колайцы — все бежали в крепости и горы, леса и укрепления Кавказа и Мтиулети⁴³... Такой страх навели татары, что большинство грузин покинуло крепости и укрепленные моста и бежало на Кавказ» (с. 187-188).

XII. «При виде такого зла амирспасалар Аваг, сын атабага Ивана, отправил посланника в Бардав, где разместились лагерем упомянутые выше главари⁴⁴, коим Бардав служил зимним становищем, а летним — горы Гелакунские⁴⁵ и Араратские, потому как в ту пору забрал Чармаган Ани; к ним отправил Аваг посланника с просьбой о мире и говорил [о желании] прийти к ним, свидеться и служить и платить харадж и отдать им свои земли и просил твердую клятву. Те же возликовали и с радостью приняли посланника Авага» (с. 189).

XIII. «И начали обстраиваться⁴⁶. Зимой разбивали лагерь в Бардаве, на берегу Куры, на берегах Иори и выше до Гага. И грабили, набегали на Картли, Самцхе и Джавахети и выше до Греции; [а также] на Кахети и Эрети до Дарубанда» (с. 191).

XIV. «[Но] прежде чем отправить собственного сына, царица порешила выступить в поход и покорить великого султана Киасдина⁴⁷, родом сельджукида... И отправили ноина Бичо, увлекшего с собой и знатных мтаваров⁴⁸ грузинских. И, вступив в земли Севастии и Езника, приступили к разору. Тогда султан Киасдин созвал все свое воинство, собрав его [в количестве] четырехсот тысяч человек, и поставил во главе полководца абхаза Шар-вашис-дзе по имени Дардина⁴⁹, коего за отвагу его [султан] еще прежде возвел в великую честь и [который] твердо держался веры» (с. 192).

XV. «Посланник прежде пришел к Бато, что был сыном Туби — первородного сына Чингиз-каена, потому как у Бато были преимущества перед всеми, владел он Овсетией и Великой Кивчакией, Хазаретией и Русью, до [земель] Мрака и моря Дарубандского. А он отправил его к Мангу-каену» (с. 196-197).

XVI. «И остались грузины без царя и без надежд. Ибо один, Давид, [считался] умершим в Греции, не ведая о [действительно] случившемся с ним. Поэтому всякий правил сам по себе и заботился [только] о себе, ибо каждый эрисмтавар примкнул к своему ноину, а татары установили главарей — десятитысячников, коих называли «главами думанов»⁵⁰; и назначили мтаваров: первый, Эгарслан Бакурцихели⁵¹, личность глубокомысленная... и отдали ему в руки воинство Эрети, Кахети и Камбечиани, от Тбилиси и выше, до гор Шемахинских» (с. 207-208).

XVII. «Сговорились [вести] войну⁵² и положили договор собраться в Картли и на этом разошлись. Дальние жители — абхазы, Цотнэ Дадиани и Бедиани, человек положительный и преисполненный божеского и мирского, да эристав Рачинский — удалились все на сборы. Узнав о единении грузин, татары Бичу и Ангураг отправились и пришли в Кохтастави. Их встретили вельможи грузинские. Войско [последних] было в разброде, и [потому] они не могли противостоять, и их отправили в страну Анейскую, в местность, которая именуется Ширакаван. Когда же предстали пред ноином Чармаганом,

тот сказал: «Что бы значили сборы ваши, коли не задумали вы отложиться?» Но предводители грузин ответствовали: «Собрались мы не для того, чтобы отложиться, но в рассуждении пособить делам вашим и определить [нашу] дань», которую они именовали харадж. [198]

Слушая это, [Чармаган] не вполне им поверил и велел раздеть их всех, связать и обнаженных посадить на площади на солнцепеке и [в таком положении] ежедневно проводил допрос о причинах их сборищ и [грозил] каждого из названных [грузинских] предводителей, если они не признаются в правде, предать смерти. Однако те настаивали: «с целью определить дань». И так было много дней, ибо не верили им [татары].

А как настало время встречи, Дадиани Цотне пришел с воинством в [условленное] место, которое называется Ркинисджвари и [расположено] между Самцхе и Гадо. Но был неизмеримо огорчен, узнав, что отправили тех предводителей грузинских в Ани и что пребывают они совместно в тяжелых мучениях. И стал [Цотне] воспринимать все случившееся как личное унижение. Отпустив войско [обратно], он в сопровождении двух человек отправился в Ани, [готовый] положить душу... Прошел Самцхе и Джавахети и пришел в Ани...

Когда же Цотне увидел, как обесчещенные вельможи сидели, обреченные на смерть, спешился, сорвал с себя одежду и, сам же себя связав, сел рядом с вельможами. Увидя это, татары дались диву и спешно сообщили ноину, а именно: «Пришел Цотне Дадиани в сопровождении двух человек, снял с себя одеяние и [сам же себя] связав, сел рядом с грузинами»...

... Слушая Цотнэ, ноины дивились его благородству и говорили: «Потому как племя грузинское столь доблестно и не лжесловит и пришел сей человек из Абхазии, чтобы положить душу свою за товарищей... нет неправды в них, и потому находим их безвинными. Посему освободим их всех» (с. 215-217).

XVIII. «А Уло ⁵³ достиг Адарбадагана с войском в шестьдесят тысяч. Узнав об этом, ноины Чармаган, Иосур, Бичу и Ангураг выступили навстречу Уло, забрав с собой всех знатных Грузии и прежде всего Эгарслана, которому, словно царю, повиновалась вся грузинская знать, и встретили [Уло] в Адарбадагане. И сошлись обе [части] татар: явившиеся сюда прежде, коих именовали тамбами, и [вновь] пришедшие с Уло-каеном» ⁵⁴ (с. 222).

XIX. «Выступили и пришли в местность, которая именуется Алатаг ⁵⁵, и явились к нему все подвластные его. И сел на престол государев ⁵⁶, и молились по обычаям своим и нарекли его каеном. Ибо изначально четыремя этими ноинами таичутцами ⁵⁷ управлялись земли их государства. Вначале Ромгуары (?), что есть Хуарасан, Ирак, Адарбадаган, Мовакан, Бардав, Шарван, вся Грузия, Хлат и великая Греция, до самой Азии, — управлялись этими четыремя ноинами...» (с. 223).

XX. «Но дошли и следующие слова, сказанные каким-то другим всеописателем, а именно: «[В пору] пребывания обоих царей в Каракуруме, Гуюк-каен [будто] решил так, чтобы утвердить царство за сыном Лаши. С этим вернул [его], а сын Русудан Давид тут же ночью бежал и пришел в Абхазию ⁵⁸. Но мне не верится в это» (с. 226).

XXI. «Они большую часть времени пребывали при Уло-каене. А Уло отдавал предпочтение Давиду, сыну Лаши, и недолюбливал Давида, сына Русудан. Когда же сын Русудан находился в Алатаге при Уло, схватили [его] и отправили на место зимовки в Бардав. Когда же достигли Нахчевана, удалился оттуда сын Русудан с двумя людьми. Это были Гурклели амирэджиб и бег Сурамели, коего татары прозвали Салинбегом, что значит «Добрый бек». [Давид, сын Русудан] ушел в Абхазию, потому как Давид, сын Лаши, в ту пору был в Тбилиси. И как только вступил Нарин Давид в земли атабага Авага в одеянии бедняка, повстречался ему шедший на охоту Сумбат Орбели...

... Он повел [Давида Нарина] к себе в дом. Давид молил Сумбата не выдавать его и отправить в Абхазию и поднес ему драгоценный камень, что был дан ему с собой его матерью Русудан. И он

отправил его из страха перед татарами в одеянии непотребном... Когда же узнали абхазы, сваны, дадиановцы, Бедиани, эристав [199] рачинский и все лихтимеры, собрались в радости великой и сделали Давида, сына Русудан, царем абхазов до самого Лиха» (с. 228-229).

XXII. «Тогда отправил посланника великий каен⁵⁹, владетель Кивчаксти и Овсети, Хазарети, Руси и Боргалети [и земель] до сербов, Дарубанда и Хатаети, и призвал царя Давида. Тогда пошел царь Давид с дарами неизмеримыми к Бато, а в доме царском оставил управительницей царицу Джигда-Хатун и гостинника Джикюра^{59a}. Ибо был тот паче всех прочих людей предан царям (потому как в пору его во всем царстве не было воров и разбойников, и где только они возникали, вешали на деревьях), но не обладавший никаким иным достоянием. Он был возвышен царем Давидом за великую верность и поручил ему управление царством и двором и оставил его в Тбилиси при царице. Он же [Джикур] с великим искусством воздвиг Исанские палаты; сделал данниками пховцев и превратил их, людей звериной природы, в пастухов мулов. И пошел царь к Бато; тот же приветил его с почетом и исполнил все его просьбы. И пребывал царь у Бато долгое время. [Хан] пожаловал каждому лицу по общине, почему и Кахети пожаловал он Торгуа Панкели и повелел подчиниться воле царицы. Торгуа решил, что царь не вернется, присвоил Кахети, скрылся в Панкисской крепости и не повиновался царице и гостиннику Джикюру» (с. 229-230).

XXIII. «Так уважил [Бато] царя и отправил его в царство Картлийское. И как достиг Эрети, вышла ему навстречу вся знать царства его, а оробевший Торгуа отступил в Панкиси, царь же подошел к Тбилиси, и были в радости все жители Грузии. А царь призвал к себе Торгуа, но тот из страха не явился на совет к царю. И звал многократно, но [Торгуа] не решался явиться. Тогда по совету Джикюра к Торгуа отправился Хорнабуджели и вошел к нему в дом, чтобы [вызвать] к себе доверие твердой клятвой. Но Торгуа сказал: «Пойдем в Алаверди и там пред [святым] Георгием дай мне клятву, там [докажи] мне верность». И отправились совместно.

[Далее говорится об их клятве в церкви св. Георгия в Алаверди].

... Но Торгуа сказал: «Да воздаст святой Георгий тебе тем же, что готовишь ты мне, ибо одинок я и с погибелью моей останется вотчина моя без наследника, да оставит также без наследника святой архимученник дом твой». И связанный твердой клятвой повел его Хорнабуджели в Табахмелу; но посрамил он им же данный обет и клятву. Схватил Джикур [Торгуа] по решению царицы, [но] без ведома царского; отвели его в Клдэ-Кари и сбросили [с утеса]» (с. 230-231).

XXIV. «В эти же времена произошло и это. Именно: каен Бато, что был превыше всех каенов, изволил подсчитать и высчитать все земли⁶⁰ и разыскал некоего человека, родом оирида и именем Аргун, правотворителя и весьма правдивого, глубоко осведомленного и избранного советника. Отправил его во все подвластные себе [страны]: Русь, Хазарети, Овсети, Кивчакети, до [земель] Мрака, от Востока до Севера и до Хатаети, чтобы сосчитать и установить [численность] конников и бойцов, отправляемых с ноинами на войну, больших и малых, и согласно их достоинствам выдаваемое им кормление [=улупа], что является подношением и ценой коней и вьюков, отправляемых в путь» (с. 34).

XXV. «А царь Давид и грузины отпросились у каена восвояси, потому как долгие времена находились в походах. Тогда каен Уло дал им свободу, и они вернулись [к себе], и полные несметных даров и обогащенные добычей, царь Давид с грузинами вступили в Адарбадаган и оттуда, преисполненные радости, пришли в Тбилиси.

В это время царская знать была озабочена, ибо Джигда не рожала потомства. Поэтому с целью обрести сына царь решил привести в супружницы Алтун, родом овску, обещав, что по ниспослании ему младенца-сына не будет ее неволить, но отпустит ее. По истечении некоторого времени [зародило чрево Алтун сына, и родила, и нарекли его именем Георгий, которого приняла и взяла в сыновья царица Джигда-Хатун. Спустя малость, родила [Алтун] дочь и назвала ее именем Тамар. И в это время [200] отринул Давид полюбовницу свою Алтун, родом овску, что была весьма благозданна. Спустя немного времени преставилась царица Джигда-Хатун и понесли ее в усыпальницу цариц во Мцхету и погребли.

В ту пору отправился царь Давид к Уло-каену в Муган, ибо там было [ханское] зимовище, а оттуда он последовал за ним на летнее стойбище, откуда [Уло] и отправил царя в Картли, дабы царь готовился к походу в Египет»^{60a} (с. 236-237).

XXVI. «В это [время] каен Уло победно вернулся с войны с султаном египетским, потому как одолел его и обратил его в бегство повсюду, где только их [египтян] встречали грузины в жестокой схватке. И как достиг своей летней стоянки Алатага, а оттуда — Сако и затем отправился на зимовище, которое именуется Карабагом и Муганом, расспросил о делах [царя] Давида и узнал об измене его. Призвал Аргуна и двести [других] мтаваров и назначил [Аргуна] предводителем, дав ему двадцать тысяч конников, и повелел грузинам, что повиновались [Уло], идти заодно с оиридом Аргуном и напасть на царя в Самцхе и дать ему бой. Отправился Аргун с двадцатью тысячами конников, прошел Гандзу и Сомхити и подступил к Тбилиси» (с. 239-240).

XXVII. «Тогда не стало более сил и решили разделить царство и [царскую] казну надвое; выделили государевых начальников и поделили надвое; Тбилиси — надвое; Кутатиси — надвое; тавадов и эриставов взаимно уравнили; от Пикопсии до Дарубанда разделили царство и казну»⁶¹ (с. 243).

XXVIII. «Каен поверил и определил людей, которые [должны были] погубить царевича и всех, кто сопровождал его»⁶². Распознал о том Енук Аркун и стремглав явился пред Тонгуз-Хатун и поведал ей о тех речах. Она же совместно с Енук Аркуном спешно явилась к каену и доложила: «Великий и высокий государь каен, что за несправедный указ тобою дан — об убиении сына царского и служителей его? Неведомо тебе, что он потомок богозванного пророка и из известного знатного рода. Да к тому же гляди, что явил ты его к себе, давши клятву. Я и Енук Аркун изберем себе смерть, вот тебе головы наши за сына царского. Да ведай и о том, что твой брат и сын великого каена Бато шлет [Георгию] множество посольств и подносит премного даров, чтобы тот предоставил ему дорогу Дариалана и Запада, потому как они обе у него в руках» (с. 245).

XXIX. «Когда же хан и царь взаимно обменивались словами, явился из Дарубанда некто из ханских дорожных караулов... И до окончания слов [между ханом и царем] вступил ханский человек в орду и; представ перед ханом, доложил: «Нет времени для разговоров, потому как двинулся великий улус великого хана Бато, и сын его — великий хан Берка — ступает по дороге Дарубандской с неисчислимо превеликим воинством»...⁶³

Ожесточился всюду бой и побили с обеих сторон неисчислимое [множество воинов]. Бежала армия Берка, и стали [ее] преследовать настойчиво... Тогда узрел [Хулагу] своими очами отвагу Саргиса и рыцарей его, возрадовался и вновь преследовал воинов Берка до ворот Дарубанда. И прошли Дарубанд и [в течение] трех дней преследовали прочих. Так победно и славно пришли на стойбище свое в Бардав, а царю Давиду и его воинам оказал великие почести и сделал им множество подношений» (с.248-250).

XXX. «И как наступила пора сбора винограда, отправился каен в земли Ширванские, к рубежам Грузии, в местность, которую именуют Чагаусун, то есть Белая река. Обвели изгородью берег реки... ибо ждал выступления Берка-каена» (с. 251).

XXXI. «В ту пору»⁶⁴ по дороге Дарубандской вышел великий каен Берка со множеством воинства мстить по поводу Хутара, Балага и Кули. Прослышав о том, Абага-каен собрал свою рать и [также призвал] царя Давида и выступил против. Но как только узнал о мощи и размерах армии Берка, не стал переходить Куру, но обошел берега и все проходы и, все [201] рассчитав, расположил воинов от слияния Куры и Рахси и далее до Мцхеты Берна разорил земли Ширванские, Эрети, Кахети и все побережье Иори, и дошло войско [его] до Тбилиси и перебило множество душ христианских, а Берка же стал в горах Гареджийских. Но глянул милостиво господь на страну эту и каена Абага, вошел какой-то недуг в Берка, и помер он. И как узнали воины его о кончине каена своего, забрали усопшее тело и удалились за врата Дарубандские. И так умиротворилась страна эта» (с. 254-255).

XXXII. «Лицезрев Димитрия⁶⁵, каен миловал его и возлюбил его, ибо был [царевич] благозванный и прекрасен ликом, и пожаловал [хан] ему все царство, за вычетом [владений] Саргиса Джакели, и сопровождал ому Садуна, коему царь Димитрий пожаловал [звание] атабага. И вошел он в Тбилиси и возвели его на престол пращуров его, и исполнили обычай благословения католикос и епископы и все мтавары Грузии — из Эрети, Кахети, Сомхити, Картли, Джавахети и Тао, что были [здесь] в сборе» (с. 270).

XXXIII. «В эту пору вновь пришел оный же Аргун, что [составил] полную опись подвластных каенам [владений] с целью описания областей и выявления, насколько восстановились или разорились земли. Заново высчитал и заключил, что большинство было разорено, а паче всего Эрети и Кахети, ибо долины Камбечи были разорены [в пору] того прихода татар, когда явился великий каен Берка» (с. 274).

XXXIV. «А вышеупомянутый тот Аргун-ага пребывал у каена. И вошел в него какой-то недуг, от которого он и помер. Прознав [о том], сын Аргуна ушел ко двору великого царя, а супругу свою оставил в Тбилиси. А сестра царская Тамара обратилась в бегство в Мтиулети, ибо презирала [сына Аргуна] как неверного язычника» (с. 278).

XXXV. «В ту же пору блистал Пимен Блаженный, что ушел из Гареджи и поселился в одной из пещер в Белакани; он обратил из язычества [в христианство] племя леков, которые и пребывают в вере христовой»⁶⁶ (с. 283).

XXXVI. «Тогда отступились от каена дарубандцы⁶⁷, и каен двинулся на Дарубанд, призвал царя Димитрия, [тот] выступил с [ханом] заодно и [совместно] вступили в Дарубанд, и не выдержали дарубандцы и бежали в крепостной акрополь, который именовали Аник⁶⁸, [те] обступили [осажденных] извне, но не принесли им ущерба. Тогда каен Аргун повелел царю дать, бой, потому как была крепость весьма стойкой. И вооружились царь и воины его, окружили крепость и ворвались в нее, потому как Рати, сын бека, прежде других вступил [в крепость], и захватили крепость, перебили их главарей, захватили пленников, сокровища и множество семейств их. а крепость сожгли» (с. 286).

XXXVII. «А как выслушали католикосы и епископы, духовники и мтавары, дивились тому, как положил царь душу свою за народ свой, и дали следующий ответ: «Царь! Тебя некем заменить. Не приведет господь убить тебя татарам. Разорится страна, и дети твои рассеются. Да если и останется страна, кто заменит тебя? Теперь же советуем тебе уйти в укрепления Мтиулети или Абхазии, как это сделал твой отец, и ни к чему тебе отдавать себя в жертву»⁶⁹ (с. 288).

XXXVIII. «Каен призвал Хутлу-Буга и сказал [ему]: «Ну вот, истребил я всех супостатов моих и врага твоего — царя Димитрия, я нет отныне царя. Исполни, что обещано мне тобою, приведи сюда царевича абхазского и пусть он станет царем, тогда отчислю тебе всю Грузию и правь ею по своему усмотрению, да ступай в Абхазию»⁷⁰ (с. 292).

XXXIX. «И как только царь Вахтанг вступил в Картли, собрались [воедино] католикос и епископы и мтавары и возложили на главу его венец царский и возвели на престол царства и исполнили обряд благословения. И овладел он всей Грузией от Никописии до Дарубанда, за вычетом [владений] Джакели Бека из Цихесджвари, и возликовали все жители Грузии» (с. 293). [202]

XL. «По прошествии двух лет вошел злостный недуг в каена Аргуна... Когда недужил Аргун, возжелал [увидеться] с Хутлу-Бугой, дабы тот воцарил Давида и преемников его и ходатайствовал пред ноинами о лишении Вахтанга царства. Тачар пособлял Давиду, да царевич овсский по имени Фареджан также весьма содействовал Давиду. По этому же делу — кому надлежало бы царствовать — был созван совет. Но другим мтаварам грузинским не угодно было воцарение Давида, ибо твердо были верпы Вахтангу и потому-то не дали царства Давиду, но уступили ему некоторые селения и земли» (с. 294).

XLI. «Призвал все свое воинство и Давида — сына царя Димитрия, и мтаваров картлийских, поручил ноину Елгону трон, жену и наложниц своих. А Хутлу-Бугу и прочих мтаваров Грузии оставил в

Муг[а]не, потому как побаивался вторжения воинов Берка... А [в пору] Фареджана стали овсы разорять, побивать и полонять [население] Картли. Полонили овсы и город Гори и оставили его при себе. Тогда собрались все картлийцы пред Амадой, сыном картлийского эристава Бега, и осадили Гори. И много раз схватывались, в городе померло множество люда — и овсов, и картлийцев, и сожгли город дотла. И как стало овсам немоготу, спустили [со стены] крепости по канату человека и отправили его к расположенным в Мухрани татарам [с просьбой] о помощи. Прослышав о том, [татары] выступили посредниками, пособили и положили мир. И отныне возникла вражда между картлийцами и овсами, покуда блистательный среди царей, великий и прославленный Георгий не прогнал и не истребил их» ⁷¹ (с. 296).

XLII. «А Давид большую часть времени проводил при каене. Хотя мтавар овсов Фареджан добром служил царю, но была вражда меж картлийцами и [овсами] и взаимно столь непримиримы, что каждый из них в силу возможности убивал другого. И вот отправились овсы в город торговать, а возвращаясь, повстречался им нищий. И подали ему милостыню овсы, из коих первого звали Сатхис, а второго Узурабег, и сказали: «Бедняга, моли бога, чтобы сегодня сошлись наши мечи с мечами сына бега Сурамели». Пройдя немного [далее], повстречался им безоружный Рати с малочисленными приближенными, находившимися [с ним] на охоте. Стремглав напали [овсы] на него; тот выставил щит и стал в узкой теснине речки и первым обрушил меч на шлем [овсу], раскрыл и свалил намертво. Затем Узурабег вступил, [но Рати] вонзил ему в бок кольчугу, распорол бок, свалил, и слуги Рати добились его; увидели это прочие овсы и бежали» (с. 297-298).

XLIII. «В эту пору отправил Казан-хан посланника и призвал к себе царя Давида ⁷². Он же спешно собрался и подступил к Кахети и Эрети. Вельможи эр-кахские и азнауры явились к царю Давиду, [а также] эристава Самадава, личность, украшенная всеми воинскими доблестями... Оставался [царь] в Эрети немного времени и совещался с вазирами: «Идти мне в орду или нет». Вазиры положили идти, но царь и слушать их не желал и вышел вон, потому как страшился свидания с татарским ханом. И пришел в Мтиулети, скрылся в Жинване, выгородил укрепление и поставил защитников. А сам царь Давид стоял в Мтиулети и отправил брата своего меньшого Вахтанга посланником к внуку великого хана Бато и обещал и указал дорогу, ведущую на каена, а тот благожелательно его приветил и обещал ему владения и множество сокровищ.

И как настала пора весенняя, вновь призвали царя Давида в Орду, но не изволил отправиться [туда], потому как был в страхе... Поняли татары, что [Давид] привередничал... отправились в поход на Мтиулети; разорили Сомхити, Картли, Триалети, Эрцо и стали в Мухнари, Херки, Базалети, Эрцо, Триалети; не вмещали их [эти земли], разоряли Картли и вышеупомянутые земли. Полонили людей, которым не было числа, и перебили острием меча всех, кого настигли» (с. 301-303).

XLIV. «И потому как царь Давид не доверился татарам, лето проводил в Мтиулети, а зиму в Картли ⁷³, потому-то и разлагалась страна Картлийская, [203] да мтавар Бакатар усилился и разорял Картли, Триалети, сгонял с вотчин азнауров, и были беды великие среди жителей картлийских. Царь Давид собрал всех мтиулов, выступил и пришел в Тбилиси, имея при себе воинство конное и пешее около пятнадцати тысяч, и сразился с кивчаками, шедшими на летнее стойбище. Но часть кивчаков отошла в город, часть же бежала вдоль берегов Куры... [Далее описывается сражение между войсками Вахтанга III и Давида VIII].

Когда же бой разгорелся пуще, Вахтанг собрал в войско тысячу бежавших кивчаков. И сошел гнев божий, и бежал Давид, и большая рать его бездействовала. Явился тогда Давид [лично], и его, [уже] неспособного к бою, стали гнать вспять кивчаки и картлийцы и преследовали до Джачуа, перебив несчетное число людей. И не то чтобы Вахтанг был враждебен брату, но из страха пред татарами вступил с ним [в войну]. Узнав, что Давид бежал, Бакатар стал нещаднее разорять Картли, и царь Давид не противостоял... А Бакатар разорял земли, истреблял жителей, хотя Ахмад Сурамели и Рати упорно сопротивлялись. Тогда Бакатар отвоевал у Гамрекели, сына Каха, крепость Дзами ⁷⁴. Узнав об этом, Бека выступил против [Бакатара] с большим войском. Но Бакатар, выйдя из крепости, стал пред авангардом [войска] Бека. Вспыхнул жаркий бой, и в первой же схватке бежал Бакатар и скрылся в крепости. Отправился Бека [вслед] и упорно осадил крепость. И как ожесточилась [осада], просили овсы

милостью божьей пощады и обещали не вредить; с тем и явился Бакатар пред Бека и затем помер» (с. 316-317).

(пер. Г. В. Цулая)
Текст воспроизведен по изданию: Грузинский "Хронограф" XIV в. о народах Кавказа // Кавказский этнографический сборник, Том VII. М. Наука. 1980

©	текст	-	Цулая	Г. В.	1980
©	сетевая	-	версия	Storfi.	2012
©	OCR	-	Николаева	Е. В.	2012
©	дизайн	-	Войтехович	А.	2001
© Наука. 1980					

Комментарии

1. Картлис цховреба. Тбилиси, 1959, т. II, с. 151-325 (далее — КЦ с указанием тома).
2. *Кекелидзе К. С.* К истории грузинской культуры в эпоху монгольского господства. — В кн.: Этюды по истории древнегрузинской литературы. Тбилиси, 1945, т. II; с. 314-324 (на груз. яз.).
3. *Цулая Г. В.* Грузинская книжная легенда о Чингисхане. — СЭ, 1973, № 4.
4. Нет уверенности в том, что аноним не имел предшественников, тем более, что он сам ссылается на одного из них, труд которого до нас, однако, не дошел.
5. Творческая школа анонима была прервана, как и потеряно его имя, в итоге погромных нашествий в Закавказье орд Тамерлана (конец XIV-начало XV в.) и была возрождена в эпоху культурного подъема в Грузии в XVII в. в лице «венценосного» поэта-историка Арчила (1648-1713 гг.), успешно преодолевшего попытку гальванизации домонгольских традиций в грузинской литературе.
6. *Джавахишвили И. А.* История грузинского народа. Тбилиси, 1965, т. III, с. 55 (на груз. яз.; далее — ИГН); *Бунятов З. М.* Сведения Шихаб-ад-Дина-ан-Насави о Грузии. — В кн.: Грузинское источниковедение. Тбилиси, 1971, т. III, с. 161, 166-167.
7. *Толстов С. П.* По следам древнехорезмийской цивилизации. М.; Л., 1948, с. 289.
8. *Меликишеили Г. А.* Основные этапы развития грузинского народа в древности и средневековье. М., 1973, с. 11.
9. *Меликишеили Г. А.* Основные этапы..., с. 10.
10. *Сихарулидзе Ю. М.* Борьба грузинского народа за независимость в XIII-XIV вв. Тбилиси, 1967, с. 64 и сл. (на груз. яз.).
11. *Бердзенишвили Н. А.* Вопросы истории Грузии. Тбилиси, 1975, т. VIII, с. 295 (на груз. яз.; далее — ВИГ, с указанием тома).
12. Впервые название Сакартвело зафиксировано в анонимном труде XII в. «История царя Давида» (см. КЦ, Тбилиси, 1955, т. I, с. 336); этот же термин, встречающийся в приписываемом Джуаншеру Джуаншеряни труде (XI в.) (см. КЦ, т. I, с. 235), является скорее всего позднейшей интерполяцией, к тому же носит ретроспективный характер и поэтому значения первоисточника не имеет.

13. Книга Марко Поло. М., 1955, с. 58. Не случайно во взаимоотношениях с Грузией монголы избегали вооруженных столкновений, пользуясь методами дипломатического замирения и подкупов.

14. Осетины глазами русских и зарубежных путешественников. Сост. Б. А. Калоев. Орджоникидзе, 1967, с. 19.

15. Существуют два полных перевода «Хронографа» — французский и армянский: *Histoire de la Georgie, depuis Fantiguite Jusquau XIX siecle*, par M. Brosset, SPb., 1849; Грузинская Хронография / Пер. с древнегрузинского (на армянский) П. Мурадяна. Ереван, 1970 (далее — *Мурадян*, ГХ).

16. Очевидно, искаженное написание какого-то антропонима (см.: *Мурадян*, ГХ, с. 25-20, 196).

17. Должно быть: Туши; грузинская модификация тюркской формы имени Джучи ([*Кикнадзе Р. К.*] Сведения Джувейни о Грузии. Перс, текст с груз. пер. Тбилиси, 1974, с. 21, 62).

17а. Должно быть: Окта//Окота, т.е. Угедей, преемник Чингисхана, монгольский великий хан (1229-1241).

18. Имеется в виду нашествие монгольских отрядов в Азербайджан, преследовавших хорезмшаха Джелал-ад-Дина (1220-1231).

19. Гянджа (сов. Кировабад, АзССР), основана в середине IX в., вторая после Бардаа столица древней Кавказской Албании; росту Гандзы способствовали тесные военные и экономические связи с Грузией и Арменией. Гандза была важным пунктом, связывавшим Грузию с Восточным Закавказьем, о чем свидетельствует наличие в средневековом Тбилиси «Гандзийских Ворот».

20. Существует разноречивая идентификация названия реки Бердуджи с реками: Дебед, Дзегамчай (= Сагим), Акстафа (см.: *Чилашвили Л.* Города в феодальной Грузии, с. 201; *Сихарулидзе Ю. М.* Борьба грузинского народа за независимость в XIII-XIV вв., с. 51 и сл.).

21. Имеется в виду первое столкновение грузин с монголами в 1222 г. Георгий Латна был сыном царицы Тамар и осетинского правителя Сослана, в Грузии именовавшегося также Давидом. Второе имя Георгия — Лаша на языке упоминаемых в КЦ апсаров (КЦ, II, с. 58), непосредственных предков абхазцев (ср. самоназвание апсуа-а), значит «Светоч».

22. Юго-восточная область исторической Грузии.

23. Грузинская форма названия Дербентского прохода, одной из важнейших стратегических артерий, связывавших Закавказье с Северо-Восточным Кавказом.

24. В древнегрузинских источниках чередуются арабская и персидская формы данного названия, соответственно: Шарван и Ширван. В. Ф. Минорский (см.: *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербента. М., 1963, с. 34) со ссылкой на древнегрузинские источники писал, что персидская форма — Ширван — окончательно утвердилась лишь в XVI в.

25. О кипчаках на Северном Кавказе см.: *Анчабадзе З. В.* Кипчаки Северного Кавказа по данным грузинских летописей. — В кн.: О происхождении балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1960, с. 115, 120-121. В Грузии вплоть до конца XIII в. существовала государственная должность ме-са-кивчаке дословно: «собирающий [подать] для кивчаков»), в ведение которого входили сборы специальной подати на содержание половецкого наемного войска (*Енукидзе Т. П.* Грузинский должностной термин XIII в. «месакивчаке». — В кн.: Грузинское источниковедение. Тбилиси, 1973, т. IV, с. 33-35, на груз. яз.; далее: ГИ с указанием тома).

26. Древнегрузинские названия населения к западу и востоку от Сурамского хребта (древнегруз. «Лихи»), Кроме того, есть данные, свидетельствующие, что имерами (дословно «потусторонними жителями») назывались также Народы Северного Кавказа в целом.

27. Укрепленный город на северо-западе Кавказа.

28. Сестра и преемница Георгия IV, правила в 1223-1245 гг.

29-29а. Видные грузинские военачальники в период борьбы с хорезмийцами.

30. Речь идет о поражении грузин от войск Джалал-ад-Дина у города Гарни (1225 г.). Случай опознания Шалвы «нахчеванцами и адарбадаганцами», Подчеркиваемый хронистом, свидетельствует о непосредственных контактах деятелей Южной Грузии (смежной с Арменией) и Азербайджана.

31. В данном случае под Абхазией подразумевается вся Западная Грузия с включением собственно Абхазии (см. прим. 43).

32. Отступление Джалал-ад-Дина из разоренного им Тбилиси в Адарбадаган, где хорезмшах спешно стал готовиться к отпору монголам, свидетельствует о непрочности его положения в Тбилиси.

33. Коренное население Сомхити, как называют древнегрузинские авторы, с одной стороны — Армению в целом и с другой — пограничные с нею южные области Грузии — Нижняя (Квемо) Картли. В данном случае мы имеем дело с явлением, аналогичным названию Апхазети, которое значило и Абхазию в узком ее значении (абх. Апсны), и всю Западную Грузию, а порой даже и Грузию в целом. Население Сомхити нередко выступало под двойным этнонимом: сомхитары-картлийцы (см. фрагм. XI), под которыми следует подразумевать смешанное армяно-грузинское население этого района (ср.: *Меликсет-Бек Л. М.* Армяне в Грузии. — В кн.: Кавказ и Византия. Ереван, вып. 1, 1979, с. 175-176, на арм. яз.).

34. Предки вейнахской группы народов (чеченцев, ингушей, бацбийцев); упоминаются также в ранних частях КЦ и армянской «Географии» VII в. (см.: *Еремян С. Т.* Армения по «Ашхара-цуйц»-у. Ереван, 1963, с. 102; на арм. яз.; КЦ, Г, 8). В «Хронографе» использован, очевидно, реально функционировавший этноним. В поздних грузинских материалах этот народ известен под названием «кисти», в котором смысл старого термина «дурдзуки» сузился до пределов представления в нем только ингушей.

35-35а. Города в средневековой Армении.

36. Ср. сообщение Себастаци об установлении мира между кипчаками, появившимися в Тебризе после первого нашествия монголов, и тебризцами (*Галстян А. Г.* Армянские источники о монголах. М., 1962, с. 23 и там же примеч. 13).

37. Тавриз монголы забрали, как предполагают, ок. 1232 г., в связи с этим вторжение их в Грузию датируют 1233 г. (*Сихарулидзе Ю. М.* Указ. соч., с. 73); местность Муган была плацдармом монголов в Закавказье.

38. Город и округ в Ширване.

39. Древнегрузинское название западной окраины Кавказской Албании. Падением названных областей (ок. 1235 г.) завершилось завоевание монголами Кавказской Албании (*Сихарулидзе Ю. М.* Указ. соч., с. 73).

40. Придворная должность в феодальной Грузии («министр двора»).

41. Город в исторической Армении. В борьбе против вторгшихся монголов феодальные владетели, естественно, не могли выдвинуть достаточно монолитную силу. Поэтому они и прибегли к тактике индивидуального сопротивления — обороне отдельных городов, крепостей, замков и т. д. (Ср.: *Сихарулидзе Ю. М.* Указ. соч., 75 и др.).

42. Современный г. Кутаиси.

43. Под термином «Кавказ» в грузинских летописях традиционно подразумевается Северный Кавказ в целом без включения в него Дагестана. Последний обычно выступал под различными названиями соответственно различным его регионам (Дидоэти, в определенном контексте — Эрети, Лекети и др.). Северный Кавказ и северные области Картли — Мтиулети, население которой было родственно этнически как вейнахам, так и горцам-грузинам, часто служили надежным убежищем для скрывавшихся от врагов жителей различных областей Закавказья

44. Описание событий, предшествовавших этому, см.: *Киракос Гандзакецци*. — История Армении. Пер. с древнеарм., предисловие и комм. Л. А. Ханларян. М., 1976, с. 163-164).

45. Одна из областей исторической Армении.

46. Монголы предпринимали набеги на Грузию и Армению весной и летом, а с началом холодов удалялись на территорию Азербайджана.

47. Гийас-ад-дин Кайхосров II, правитель Румского султаната в 1236-1245 гг., супруг Тамары — дочери Русудан.

48. Категория средневековых грузинских феодалов.

49. Это единственное сведение об абхазском эриставе Шарвашидзе Дардине и его связях с Румским султанатом. Абхазский феодальный род Шарвашидзе, представители которого играли видную роль в культурной и политической жизни Грузии в течение всего средневековья и нового времени (см.: *Джанашиа С. Н.* Георгий Шарвашидзе. — В кн.: *Шарвашидзе Г.* Соч. Тбилиси, 1946; на груз., яз.), впервые упоминается в «Истории и восхвалении венценосцев» (см. КЦ, II, с. 61). Родоначальников Шарвашидзе не без оснований считают выходцами из рода Ширван-Шахов (*Гулия Д. И.* История Абхазии. Тифлис, 1925, т. 1, с. 138; *Анчабадзе З. В.* Из истории средневековой Абхазии. Сухуми, 1959, с. 192), владения которых были присоединены к Грузии при Давиде Строителе (1089-1125) (*Лэн-Пуль*. Мусульманские династии. Пер. с англ. и примеч. В. В. Бартольда. СПб., 1899, с. 295).

49а. Отправка сына Русудан к Бато в Сарай имела место ок. 1243 г. (*Сихарулидзе Ю. М.* Указ. соч., с. 83-84). В августе-сентябре 1246 г. его вместе с русским князем Ярославом Всеволодовичем (1190-1246) видел в ставке хана Гуюка Плано Карпини (см.: Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957, с. 34).

50. Сразу же после смерти Русудан (1245 г.) монголы превратили Грузию в свое наместничество, разделив ее на восемь думанов.

51. Временщик периода монгольского господства в Грузии (см.: *Кикнадзе Р. К.* Несколько наблюдений над текстом грузинского анонимного историка XIV в. — Изв. АН ГССР, 1976, № 2, с. 148, на груз., яз.; также: ВИГ, VIII, с. 178-179); был главой «первого думана», объединявшего Эрети и Кахетскую Камбичеану, имевших много общего в социальном и этническом отношении.

52. Речь идет о раскрытии заговора, участники которого готовили анти-монгольское восстание. Заговор был организован ок. 1245 г. (см.: *Сихарулидзе Ю. М.* Указ. соч., с. 94-96) в местечке Кохтастави (историческая Месхети, к юго-востоку от г. Ахалцихе); в нем принимали участие представители как Восточной, так и Западной Грузии, в источнике называемой Апхазети (Абхазия). Монголы в итоге

амнистировали виновников, что говорит о политической осторожности завоевателей в отношении отдаленных провинций (ср.: Путешествия в восточные страны..., с. 57).

53. Грузинская форма имени ильхана Хулагу (1256-1265).

54. По пути на запад Хулагу остановился в Азербайджане, где намеревался пополнить свое войско. Хронист свидетельствует о далеко зашедшей тюркизации Азербайджана (см. также: *Босворт К. Э.* Мусульманские династии. Пер. с англ. М., 1965, с. 200-201; *Бартольд В. В.* Соч. М., 1973, т. VII, с. 512).

55. Местность в Армении.

56. После разгрома исмаилитов (1256 г.) Хулагу принял титул ильхана. В обширной империи Хулагу христианским народам Закавказья принадлежала важная роль, о чем свидетельствует его покровительство им даже в ущерб мусульманам.

57. Таичуты — тачуиты.

58. Рашид-ад-дин (Собрание летописей. М., 1960, т. II, с. 118, 120) сообщает, что среди первых мероприятий хана Гуюка, на избрании которого в 1245 г. присутствовали «из Гурджистана — оба Давуда», хан «Давуда, сына царицы, подчинил другому Давуду». Сочинение упоминаемого в «Хронографе» «всеописателя» не сохранилось, но мнение хрониста (см. фрагм. XIX) в основных частях согласуется с сообщением армянского историка Степаноса Орбеляна (ИГН, III, с. 155).

Киракос Гандзакечи (История Армении, с. 181-234), касаясь комментируемого эпизода, уточняет содержание термина Абхазия, помещая Сванетию «в глубь Абхазии». Царем сванов, т.е., по грузинским источникам, абхазов в широком смысле, называет Давида Нарина и Степанос Орбелян (см.: ИГН, III, с. 154).

59-59а. После разделения Грузии «на два мтаварства», пишет хронист (КЦ, II, с. 229), «страна благоустроилась». Это не входило в планы монголов, и потому они держали грузин под постоянным контролем. При дворе правителя Восточной Грузии в этот период выдвинулся некий Джикур (даты рождения и смерти неизвестны). Будучи гражданским администратором при дворе Улу Давида (в должности гостинника, груз, местумре, в обязанности которого входило соблюдение протокола приема послов, «гостей»), Джикур благодаря своим выдающимся личным качествам приобрел большое влияние на царя, который на время своего пребывания в стане монголов давал ему фактически неограниченную власть в Грузии. Хронист ничего не говорит об его этническом происхождении, но имя Джикур (что значит «Джикский») должно указывать на его джикское происхождение. Очевидно, это был один из тех многочисленных представителей народов Северного Кавказа, чьи имена встречаются на страницах грузинских летописей среди видных государственных деятелей и крупных феодалов Грузии.

Джигда-Хатун — первая супруга Улу Давида, по происхождению монголка (это имя в форме Джиктум /Джиг-дум/ встречается среди имен ханских жен, см.: *Рашид-ад-дин*, II, с. 67, 69). Бракосочетание состоялось из политических соображений Улу Давида (ИГН, III, с. 346). В отсутствие супруга Джигда-Хатун с помощью Джикура исполняла роль правительницы Грузии. Но уже в 1259 г. сын Улу Давида Георгий, рожденный от Алтун, в документах ставит подпись вслед за отцом, что свидетельствует о падении ее роли в государственных делах (ИГН, III, с. 145). Очевидно, в этот же период был оттеснен от активной деятельности и Джикур. Причины этого смещения неизвестны по первоисточникам, но они, вероятно, заключались в ослаблении монгольского контроля. В этой связи не случайно сообщение анонима о признании Джигдой-Хатун адюльтера ее супруга с аланкой Алтун, которая, вероятно, являлась представительницей влиятельной прослойки осетинского общества, никогда не подчинявшегося монгольским властям. Обращает на себя внимание тюркское имя этой аланской дамы, что должно свидетельствовать об уровне влияния тюркоязычного элемента на Северном Кавказе в описываемое в «Хронографе» время.

60. Согласно армянским историкам (Гандзакеци, Себастици и др.), монголы провели перепись подвластного населения и опись его имущества в 1254 г., что было вызвано прежде всего экономическими затруднениями завоевателей (см.: *Сихарулидзе Ю. М.* Указ. соч., с. 108-109).

60а. Речь идет о войне монголов против Египта и об участии в ней грузин. Сако — искаженное название местности Сияхкух, летнего стойбища ильханов (совр. Карадаг; см.: *Кикнадзе Р. К.* К разъяснению одного географического названия грузинского анонимного историка XIV в. — ГИ, т. IV, с. 36-40; на груз. яз.).

61. И. А. Джавахишвили со ссылкой на Анийскую надпись Абусаида пишет (ИГН, III, с. 210), что в описываемое анонимом время существовало двойное понятие о «рубежах Грузии» — этническое и государственное (сферы влияния и зависимости) (Для сравнения можно сослаться на сведение армянского историка Степаноса Орбеляна о передаче монголами Деметре II «сполна страну Армянскую, дом Авага, дом Шаханшаха и сыновей Гагели и Атабека Садуна» (*Орбелян.* История, с. 426)). Во всяком случае, хронист отразил пока еще жившую местную домонгольскую летописную традицию, в описываемое время переставшую соответствовать реальному положению вещей. В конце XIII в. восточные рубежи Грузии проходили вдоль р. Агсу. Номинальной была власть зависимых от монголов грузинских правителей и в Никопсии. Что же касается самого Деметре, то его власть вообще не распространялась на Западную Грузию (ИГН, III, с. 365-366). Относительно Дербента следует обратить внимание на следующее обстоятельство: по имеем ли мы в комментируемом контексте употребление данного названия в широком смысле, столь часто применяемом грузинскими летописцами? Известна историческая традиция, согласно которой территория Дербента простиралась далеко на запад (см.: *Бартольд В. В.* Соч. М., 1965, т. III, 424).

62. Сообразуясь с ситуацией, монголы непошли на расправу с заговорщиками. Озабоченность придворных Хулагу о безопасности со стороны Северного Кавказа вполне понятна: в упорной борьбе между джучидами и хулагуидами, одинаково стремившимися к полному овладению Закавказьем, важное значение отводилось Дербенту и Северному Кавказу. При этом особое внимание обращалось на то, что вассальная от хулагуидов Восточная Грузия задабривалась джучидами, и это могло иметь нежелательные для ильханов последствия. Между Золотой Ордой и Грузией существовали торговые сношения, связи осуществлялись по Дербентскому проходу и Дарьяльскому пути.

63. Успеху хулагуидов в их длительной борьбе с золотоордынцами во многом содействовала поддержка со стороны христианских народов и особенно — грузин, армян и алан. Важной ареной военных действий между соперниками были Кахети и области древней Кавказской Албании — Эрети и Камбечиани. На этой территории, которая задолго до описываемых в «Хронографе» событий составляла часть Картлийского царства, комплектовались основные контингенты войск грузинских правителей, союзников ильханов. В связи с этими войнами монголы вновь провели перепись местного населения и опись их имущества (см. фрагм. XXX).

Как и в египетских источниках (см.: *Бартольд В. В.* Соч., т. V, с. 503), Берка в «Хронографе» назван сыном Батыя, которому он в действительности приходился братом. В рассказе египетского автора XIII в. о начале военных действий между Берке и Хулагу в качестве дипломатического курьера египетского султана фигурирует некое лицо «из аланских купцов» (цит. по: *Тизенгаузен В. Г.* Материалы, относящиеся до истории Золотой Орды. М., 1886, т. I, с. 55-56). Но он вряд ли был из кавказских алан. В упомянутом египетском источнике говорится, что послы султана, направляясь к Берке, побывали «в местечке Крым, которое населяют люди разных наций, как-то: кипчаки, русские и аланы» (там же, с. 63). По сообщению Киракоса Гандзакеци (История Армении, с. 237), кавказские аланы поддерживали Хулагу: во время войны против Берка один из отрядов наемников «он собрал у аланских ворот».

64. По словам Киракоса Гандзакеци, преемник Хулагу — Абага (1265-1282), «собрав большое войско, пошел воевать против войск Берка, выступившего за Дербентские ворота и раскинувшего свой стан на берегу Куры» (История Армении, с. 238). Грузинский и армянский историки дают ряд важных топографических подробностей.

65. После смерти Улу Давида (1272 г.) на престол Восточной Грузии вступил его малолетний сын Димитрий Самопожертвователь (см. примеч. 54). В политической жизни Грузии в этот период все более активную роль играют иноплеменные элементы. Если в прошлом они настолько «огрузинивались», что хронист считал нужным относить их «к роду-племени грузин» (ВИГ, т. VIII, с. 178 и др.), то теперь из-за культурного и политического ослабления грузин в этих племенах начинается тяга к денационализации. Это видно на примере Садуна Манкабердели (по армянским источникам Махкабердци), одного из могущественных временщиков Грузии и Армении времен монгольского владычества, родом курда (см.: *Киракос Гандзакецци. История Армении...*, с. 141; *Манандян Я. А. Критический обзор...*, с. 255-256). Источники свидетельствуют о его умении адаптироваться в среде грузинской, армянской и монгольской знати. Отличался особой приверженностью к монгольским властям, с помощью которых получил высший воинский чин в Грузии и ряд крупных владений в Армении. Известен как искусный шантажист, державший местную знать в постоянном страхе перед монголами.

66. Представители высшего духовенства Грузии не преминули воспользоваться теми льготами, которые давали монголы некоторое время христианам. Епископ Гареджийский Пимен восстановил среди дагестанцев, населявших смежную с Грузией территорию, христианство, забытое здесь в тяжелый период монгольских завоеваний. Примечательно, что хронист ничего не говорит об обычном в такой ситуации сопротивлении «обращаемых».

67. В конце XIII в. население Дербента подняло антимонгольское восстание. В подавлении «мятежа» принимал участие Димитрий II (участвовавший во всех военных мероприятиях монголов), вероятно, не без видов на собственные выгоды. Не случайно грузины в этот период активизировали миссионерскую деятельность в соседних регионах Дагестана, не встречая при этом каких-либо возражений со стороны монголов (см. примеч. 51).

68. И. А. Джавахишвили (ИГН, III, с. 219) предположительно корректирует: Ану (?); местоположение крепости не установлено.

69. Заподозренный в участии в заговоре монгольской знати против хана Абага, Димитрий был вызван им в ставку (1289 г.). В связи с этим грузинская знать созвала совет, на котором царю предложили бежать в «укрепления Мтиулети или Абхазии». Под этими названиями надо подразумевать в первом случае горные области южных отрогов Главного Кавказского хребта, населенные предками современных бацбийцев, тушин и хевсуров; во втором — труднодоступные районы Северной Абхазии или Сванетии.

70. После гибели Димитрия II (см. примеч. 54) в ставке ильханов возникла борьба вокруг вопроса о престолонаследии в Восточной Грузии. В связи с этим обстоятельством и упоминает хронист «овского царя» Фареджана (см. фрагм. XL), одного из участников совета, состоявшегося при ханском дворе, активного сторонника Давида и противника Вахтанга (сына Давида Нарина), ставленника большей части грузинских феодалов. После смерти хана Аргуна (1291 г.) эта борьба приняла особенно острый характер, и сторонники Давида, среди которых овсская группировка, возглавляемая Фареджаном, играла важную роль, одержала верх.

71. И. А. Джавахишвили считал, что активизации овсской экспансии в Картли на рубеже XIII-XIV вв. способствовали частые отлучки Давида в ханскую ставку, а также ослабление Грузии в результате тяжелых войн (ИГН, III, с. 167). П. Мурадян считает, что союз Давида с овсами мог быть продиктован его планами обуздания партикулярных местных феодалов с помощью овсов (ГХ, с. 205, там же примеч. 93). Вероятность такого факта подтверждается непримиримыми противоречиями между монгольскими завоевателями (кочевниками) и грузинскими землевладельцами, в борьбе с которыми монголы вполне могли поддерживать Давида VI (*Гамрекели В. Н. К истории Грузии рубежа XIII-XIV вв. — В кн.: Историко-филологические разыскания. Тбилиси, 1975, т. V, с. 168-189; на груз, яз.*), в свою очередь искавшего союзников в овсах.

Часть исследователей (И. А. Джавахишвили, Н. А. Бердзенишвили) считают, что овсы, описанные в «Хронографе», представляли собой новую волну миграций овсского населения, переселявшегося с

Северного Кавказа и в домонгольскую эпоху (см. также: *Тогошвили Г.* Из истории грузино-осетинских взаимоотношений. Сталинири, 1958, с. 199-202; *Лазарашвили Г. Р.* О времени переселения осетин в Грузию. — 1966, № 2, с. 144). Отдельные исследователи считают упоминаемых в «Хронографе» овсов обычными эмигрантами, с середины XIII в. спасавшимися от монгольского произвола (*Гамрекели В. Н.* К истории..., с. 179).

Однако каковы бы ни были масштабы и характер переселения овсов с Северного Кавказа с середины XIII в., нельзя не обратить внимания на указанный хронистом характер занятий овсов в Картли (торговля и т. п.). В. Н. Гамрекели пишет, что в сообщении анонима о возникшей «между грузинами и овсами» вражде имеется в виду «... антагонизм прежде всего между феодальными сословиями» (К истории..., с. 172), т.е. обычная феодальная междоусобица. Но хронист вместе с тем дает любопытное сведение о типе торгового сословия овсов, которые для достижения своих целей пользовались не только подкупами, но одновременно представляли военные отряды, так как осуществление торговых операций зачастую было сопряжено с вооруженными стычками.

72. С приходом к власти ильхана Махмуда Газана (груз. Казан-хан) в 1295 г. (*Босворт К. Э.* Мусульманские династии, с. 200) в государстве ильханов окончательно восторжествовало мусульманство и начались активные гонения на христиан. Это привело к разрыву между ильханами и их недавним союзником и сотрудником Давидом VI. Последний действует против Газан-хана уверенно и самонадеянно; он отверг решение собственного совета явиться в ставку ильханов по требованию Газана; на его стороне были многие из племен и народов Закавказья. Очаг его мятежа — Мтиулети — область, расположенная на южных отрогах Главного Кавказского хребта. Этот регион, не входивший в этнографическую Картли (ВИГ, VIII, с. 274-275), был населен родственными вейнахам племенами, находившимися под культурным влиянием и в политическом союзе с картлийцами. Будучи естественным союзником картлийцев, Давид мог свободно распоряжаться расположенными на их территории стратегическими путями, связывавшими значительную часть Северного Кавказа с Закавказьем.

73. Положение Давида VI на первых порах было прочным (см. примеч. 57), он безбоязненно мог проводить зиму в долинной Картли. Не дождавшись золотоордынских ханов, выступавших против Газана, Давид стал действовать самолично, опираясь в основном на составленное из мтиулов и местных картлийских феодалов войско, которых он привлек, очевидно, не без усилий (см.: *Гамрекели В. Н.* К истории..., с. 173-174). Основная цель его — отвоевание Тбилиси у Вахтанга IV (воцарился в 1304 г.). На стороне последнего участвуют овсы со своим правителем Бакатаром, преемником Фареджана. Овсы, по словам летописца, были наиболее активной силой, выступавшей против Давида VI.

Бакатар, по подсчетам В. Н. Гамрекели, умер в 1304 г. После его смерти овсы упоминаются всего один раз в составе монгольского войска во время похода Мухаммеда Худабанда Олджетю в Гилян в 1307 г.

74. Крепость Дзами была расположена в одноименном ущелье во Внутренней (Шида) Картли.

ХРОНОГРАФ XIV В.

В результате потрясений, вызванных в Закавказье установлением иноземного господства в первой трети XIII в., Грузинское феодальное царство было приведено к экономическому разорению и культурному упадку. Общественная депрессия, усугублявшаяся отсутствием надежной перспективы, долго оставалась одним из основных показателей внутренней жизни Грузии. Однако с конца XIII — начала XIV в. на поприще политической и культурной деятельности страны выступили ближайшие потомки того поколения, которое непосредственно испытало горечь тяжелых поражений. Основным источником для истории Грузии этого периода является летописное повествование, по-русски обычно называемое «Хронограф» XIV в.¹ Оставшийся безымянным автор этого обширного произведения — человек, безусловно, незаурядный, талантливый писатель — свидетельствует о том, как глубоко задумывались его современники над причинами постигшей их край катастрофы. Будучи хорошо осведомленным в событиях описываемого времени, аноним дает ряд немаловажных сообщений не

только о народах Кавказа, но и о византийцах, армянах, монголах, хорезмийцах и др. Он хорошо знаком с историческими сочинениями многих иноязычных авторов, нередко их цитирует и пересказывает ².

Время деятельности автора “Хронографа” приблизительно можно установить по немногочисленным косвенным данным, имеющимся в самом памятнике. Судя по тексту летописи, автор ее был младшим современником грузинского царя Георгия V [113] (1314-1346), прозванного современниками Блистательным, в период правления которого Грузия освободилась от монгольского господства. Автор летописи, по его же словам, являлся очевидцем событий этого периода и, как предполагают, даже описал их, хотя дошедший до нас текст повествования обрывается на описании начала царствования Георгия V. Немаловажным ориентиром в данном случае может быть упоминающееся в “Хронографе” тюркское название Карабаг, заменившее древнее местное Арран не позже середины XIV в. Все это, безусловно, свидетельствует о том, что написание “Хронографа” следует отнести не ранее чем к середине XIV в.

Средневековым грузинским писателям хронист близок в основном по стилю изложения и художественной манере. На этом, по существу, кончается его связь с древнегрузинской исторической традицией. В отличие от авторов эпохи расцвета Грузинского феодального царства, оптимистические сочинения которых полны панегирических славословий феодалам и их царственным сюзеренам, автор “Хронографа”, глубоко переживающий суровую действительность монгольского периода, настроен более чем скептически. Он не стесняется в резких нападках на “царей и мтаваров”, в нравственном падении которых видит основную причину разорения своей родины.

На фоне мрачной картины внутреннего положения Грузии анонимный летописец изображает идеализированную, в принципе хотя и верную, основанную на строжайшей дисциплине внутреннюю организацию вражеского государства ³, восторгается “безупречными” характерами неприятельских монархов и их воинов ⁴.

Среди таких иноземных монархов на страницах “Хронографа” выведен и знаменитый правитель Хорезма Джелал ад-дин Манкбурны (1220-1231). Правда, по концепции самого автора, он не имел особого повода быть идеализированным: летописцу, стороннику победоносных монархов, был известен факт поражения и падения Джелал ад-дина. Но правитель Хорезма, противоречивый образ которого долго был популярен на Востоке, для древнегрузинского анонима являлся, во-первых, воплощением непримиримого борца против монголов и, во-вторых, антиподом, с его точки зрения, нравственно неполноценным грузинским “царям и мтаварам”, не сумевшим оградить свою страну от опустошения.

Свой первый поход на Грузию Джелал ад-дин совершил [114] в 1225г., как пишет наш летописец, “на третьем году по преставлении Лаша-Георгия” ⁵.

В задуманной хорезмшахом всеобщей борьбе против монголов Грузии отводилось место одного из опорных пунктов на Кавказе. Однако, как свидетельствуют источники, завоевание Грузии, главного в то время врага мусульман на Кавказе, представляло значительные трудности. Грузия была, пишет арабский историк начала XIII в. Ибн ал-Асир, “еще до ислама самым зловердным краем для соседей — персов — и остается таковым для мусульман с самого начала ислама и до сегодняшнего дня. Никто до Джелал ад-дина не посмел идти против них и поступить с ними так, как он поступил” ⁶. Сподвижник и биограф Джелал ад-дина ан-Насави с обычным для него сарказмом, когда речь заходила о “курджах”, писал, что государство Атабегов — Адарбадаган — “было для них (грузин. — Г. Ц.) местом охоты: туда они ходили за добычей сообща и отдельно, парами и в одиночку” ⁷. Тбилиси, который еще сравнительно недавно уступал таким закавказским городам, как Дербенд и Берда, теперь “один из самых сильных и недоступных городов” ⁸. Ибн ал-Асир вспоминает (это могло быть в памяти не одного Ибн ал-Асира), как могущественный султан Махмуд, государство которого простиралось от Азербайджана до Сирии, не смог помешать грузинам вернуть свою столицу в 1121г. Махмуд даже “собрал было в 519 (1125) году войско и выступил против грузин, но он ничего не мог с ними поделать” ⁸ и т. д. Поэтому неудивительно, что Джелал ад-дин всеми мерами стремился или склонить Грузию к задуманному союзу, или покорить ее силой. Источники сообщают, что хорезмшах “не переставал говорить: „Я хочу совершить поход в страну курджов, сразиться с ними и овладеть их страной”” ¹⁰. Крайне важно

сообщение Ибн ал-Асира, что Джелал ад-дин предварительно даже сообщил грузинам о своем намерении начать с ними войну. На это грузины якобы ответили следующее: “К нам пришли татары, которые поступили с твоим отцом, более могущественным, с более многочисленными войсками и более сильной душой, так, как ты знаешь, и захватили ваши страны, но мы не обратили на них внимания, и самое большее, о чем они думали, уйти от нас подобру-поздорову”¹¹. Грузины действительно не были в курсе реальной обстановки того времени. Легкая и сомнительная [115] победа, которую они одержали над кучкой монгольских разведчиков, все еще казалась им многозначительной¹².

Грузины стали спешно готовиться к предстоящей войне с хорезмийцами. По словам Ибн ал-Асира, численность армии грузин достигала “более семидесяти тысяч”¹³. В распоряжении грузинских правителей в это время находилось большое число наемников, которые и прежде не раз оправдывали возлагаемые на них надежды. Кроме того, грузины легко могли стовориться с соседними народами, для которых хорезмшах был общим врагом. И действительно, Рашид ад-дин пишет: “Так как румские султаны и мелики Сирии, Армении и тех пределов страшились завоевания и захвата им (Джелал ад-дином. — Г. Ц.) власти, то все они поднялись, чтобы отразить его, и собрались в одном месте с войском грузин, армян, аланов, серилов, лезгин, кипчаков... абхазов... и сванов”¹⁴.

В отличие от Ибн ал-Асира, который писал, что грузины высокомерно ответили на сообщение хорезмшаха о его намерении начать с ними войну, ан-Насави сообщает, что грузины, наоборот, “надеялись, что [султан], может быть, пожелает пойти на мир с ними”¹⁵.

В решающем сражении с хорезмийцами при городе Гарни (Армения) грузины потерпели поражение. Затем силы Джелал ад-дина были отвлечены на умирение мятежей и борьбу против заговоров в своем государстве.

Прошло более двух лет, прежде чем хорезмшах предпринял главную военную операцию в Грузии — взятие Тбилиси. У нас нет каких-либо сведений, дающих повод усомниться в том, что это время не было использовано правителем Хорезма для попыток мирных переговоров с грузинским царским двором. Наоборот, приведенные выше сообщения ан-Насави и Ибн ал-Асира свидетельствуют о том, что такие переговоры должны были проходить неоднократно, о чем в свою очередь говорится и в “Хронографе”. Правда, сведение древнегрузинского источника не находит прямого подтверждения в иноземных источниках, но это не может давать оснований для отрицания его достоверности. Еще И.А. Джавахишвили писал, что “в данном рассказе нет ничего невероятного”¹⁶. Симптоматично, что ответ царицы [116] Русудан на предложение хорезмшаха по своему тону очень напоминает вышеприведенный из сочинения Ибн ал-Асира ответ грузин Джелал ад-дину.

Грузины не были единственными, кому хорезмшах предложил союз в борьбе против монголов. Так, например, когда Чингисхан направил против Джелал ад-дина одного из своих видных полководцев — Джурмаган-нойона, то хорезмшах, “несмотря на то что между ним и халифом, султаном и меликами Рума и Сирии была распря”¹⁷, отправил к ним посла с призывом объединиться перед грозной опасностью. Рашид ад-дин передает, как он говорит, содержание этого обращения: “Войска татар очень много, на этот раз больше, чем всегда, и воины этих стран страшатся их. Если вы не окажете помощь людьми и снаряжением, то я, который стою стеной, пропаду, а у вас не окажется возможности противостоять им. Щадя себя и детей и [всех] мусульман, каждый подайте помощь одним полком войска со знаменами, дабы, когда до них [монголов] дойдет молва о нашем соглашении, они получили, бы хоть небольшой отпор, а также и наши воины приободрились бы. Если же в этом отношении будет допущено какое-либо пренебрежение, то сами увидите, что будет, и получите то, что достанется”¹⁸. Правление Джелал ад-дина “прошло в героических, но тщетных попытках преградить монгольской лавине путь на Средний Восток”¹⁹; его стремление создать коалицию из феодалов-сепаратистов разных стран, правители которых находились в непрекращавшихся столкновениях между собой, исторически было обречено. В создавшейся феодальной анархии, которую современники называли “страшнее врага”²⁰, и сам хорезмшах в своих действиях мало чем отличался от тех, к кому он взывал. Правда, наиболее дальновидные из его приближенных хорошо представляли последствия создавшейся обстановки. “Если обстоятельства окажутся против него, — говорил посланец хорезмшаха одному из правителей в Малой Азии, — то вы вспомните о нем, когда испытаете соседство татар, но сожаление уже не поможет”²¹.

Для Рашид ад-дина как историка, исполнявшего волю монголов — своих заказчиков и сюзеренов, хорезмшах должен был стать фигурой одиозной. Описывая правителя Хорезма, Рашид ад-дин порой дает ему нелестную характеристику: он слаб, болезнен, “проявляет высокомерие”, первый же незначительный успех рассматривает как повод так напиться, что его не могут [117] разбудить при виде приближающегося монгольского отряда²². И вместе с тем на страницах летописей Рашид ад-дина хорезмшах — “завоеватель по предопределению”. При описании его поединков с неприятельскими “витязями” у автора возникают ассоциации с богатырскими образами героического эпоса персов²³.

В оценке Джелал ад-дина в исторической традиции средневековой Грузии звучат и резко отрицательные мотивы. Так, современник походов хорезмийцев в Закавказье и очевидец погромов ими населения Грузии грузинский писатель XIIIв. Тбели Абусеридзе называет полчища хорезмшаха “волками, пожирающими людей”²⁴. В этом же плане говорится и в синаксарной (поминальной) “вставке”, сделанной в “Хронографе” рукой его редактора или переписчика и посвященной памяти Шалвы Ахалцихели — грузинского героя периода войн с монголами и хорезмийцами: “Понуждал покинуть веру и сулил даров и почестей премногих. Но тот не внял и не избрал почестей сей поры мгновенной и не отринул имени Христа. Затем вновь лебезил и сказывал об отречении от Христа, но он отвергал слова те. Тогда султан говаривал о многообразных истязаниях и страдал, но тот твердо стоял за веру. Потом многими горькими пытками и смертью изъял из [жизни] мгновенной святого Шалву, и он, украшенный венцом мученичества, вознесся ко Христу”²⁵. Автором данной “вставки” должно было быть духовное лицо, что и усугубило его отрицательное отношение к Джелал ад-дину, прежде всего, как к мусульманину. Как известно, религиозная нетерпимость чужда автору “Хронографа”.

Героические мотивы легенды о хорезмшахе, а также то, что он предупреждал грузин о смертельной опасности и предлагал союз против нее, должны были во многом способствовать популярности Джелал ад-дина в той части грузинского общества XIV в., которая не мирилась с монгольским господством и организовывала активные выступления. Эту часть грузинского общества и представлял наш анонимный хронист.

Оценка, данная Джелал ад-дину в “Хронографе”, сохранилась вплоть до нового времени. Об этом может свидетельствовать сочинение грузинского историка XVIIIв. царевича Вахушти Багратиона, который как бы резюмирует основной момент в рассказе хрониста XIVв. о Джелал ад-дине. “Я не врагом пришел к вам, однако вы жестоко сразились со мною, — говорит Джелал ад-дин в сочинении Вахушти, — и ныне, как появились татары и никто из нас не выстоял пред ними, пришел я, дабы выдали вы мне в супружество царствующую над вами женщину — царицу вашу; да соберемся воедино и одолеем татар, ибо нет силы для войны единоличной ни у вас, ни у меня; но коли не поступите вы этак, [118] разорю прежде вас, а затем начну войну против татар”²⁶. В изображении Вахушти Джелал ад-дина нет и тени осуждения: хорезмшах вполне реально оценивает свои силы, он уверен, что один на один ему не одолеть монголов, хотя и готов в случае, если отвергнут его предложение, идти на безрассудную войну с ними.

Дипломатическая деятельность Джелал ад-дина, в частности его специальные посольства к различным правителям с призывами объединиться против монголов, вполне отвечавшими реальным требованиям сложившейся в его время военно-политической обстановки, по нашему мнению, до сих пор не получили объективной оценки. Феодалы Хорезма воспринимали призывы к единению против монголов как опасное стремление хорезмшаха вернуть утраченную власть неограниченного монарха. А некоторые другие правители, в том числе и часть грузинских феодалов, не представляя реальной угрозы со стороны монголов и проявляя дипломатическую близорукость, надеялись с помощью почти неизвестного народа избавиться от могущественного соседа. Джелал ад-дину стали отказывать в союзе, то боясь, то недооценивая его, и это еще более обостряло политическую анархию перед лицом надвигавшейся опасности. В обстановке стремительно разворачивавшихся событий Джелал ад-дин стал считать себя вправе прибегать к силе против не внявших его призывам правителей²⁷. После падения хорезмшаха современникам, оказавшимся под монгольским господством, легко было сваливать на него всю вину за поражение, ссылаясь на его несправедливость, “порочный” образ жизни, религиозную нетерпимость и многое другое.

И, наконец, отметим, что, описывая смерть Джелал ад-дина, грузинский анонимный историк не смог скрыть своей симпатии к нему. Как о мере справедливой расправы пишет он о сожжении на костре “ничтожного человека”, угодившего врагам хорезмшаха. Известно, что наиболее достоверное описание обстоятельств гибели Джелал ад-дина принадлежит ан-Насави ²⁸. Рассказ грузинского анонима, по существу, напоминает сообщение персидского автора. В данном случае говорить о текстологической зависимости древнегрузинского источника от последнего не приходится. Древнегрузинский хронист использовал устные рассказы, бывшие популярными в той части грузинского общества, которую он представлял, и по тону повествования также можно судить об его отношении к личности Джелал ад-дина. [119]

Ниже мы приводим перевод отрывка из “Хронографа”, в котором описаны события, связанные с именем Джелал ад-дина ²⁹. Автор сердечно благодарит Л.С. Джанашиа и А.П. Новосельцева за консультации по переводу.

Текст воспроизведен по изданию: Джелал ад-Дин в оценке грузинской летописной традиции // Летописи и хроники. 1980. М. 1981

©	текст	-	Цулая	Г.	В.	1981
©	сетевая	версия	-	Thietmar.		2005
©	OCR	-	Феоктистов	И.		2005
©	дизайн	-	Войтехович	А.		2001
© Летописи и хроники. 1981						

Комментарии

1. Картлис цховреба. Тбилиси, 1959, т. 2 / Подгот. к изданию по всем основным спискам с. Г. Каухчшвили, с. 152-325 (на древнегруз. яз.). (Далее: КЦ с указанием тома.) Существуют два полных перевода “Хронографа”: французский (*Brosset M. Histoire de la Georgie*. SPb., 1849) и армянский (Грузинский “Хронограф”/Пер. с древнегрузинского [на армянский] П. М. Мурадяна. Ереван, 1971. (Далее: *Мурадян*. ГХ)).

2. *Джавахишвили И. А.* Древнегрузинская историческая литература. Тбилиси, 1945, с. 246-263 (на груз. яз.); *Владимирцов Б. Я.* Грузинский летописец XIV в. о монгольском языке. — Известия Российской Академии наук, 1917, Сер.6, № 17, с. 1488 и др.; *Spuler B.* Die Mongolen in Iran. Berlin, 1955, S. 15-16; *Кекелидзе К. с.* История грузинской литературы. Тбилиси, 1958, т. 2, с. 301 и след. (на груз. яз.); *Кикнадзе Р. К.* Персидские источники “Хронографа” (Джувайни). — В кн.: Кавказско-ближневосточный сборник. Тбилиси, 1962, т. 2 (на груз. яз.); *Мурадян. Г. Х.*, с. 18 и след.; Очерки истории Грузии. Тбилиси, 1979, т. III, с. 18-24, 834 и след.

3. *Владимирцов Б. Я.* Чингис-хан. Пг.; М.; Берлин, 1922, с. 82-83; *Майский И. М.* Чингис-хан. — Вопросы истории, 1962, № 5, с. 79; *Петрушевский И. П.* Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219-1224 гг. и его последствия. — В кн.: Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1971, с. 112, 115

4. *Цулая Г. В.* Грузинская книжная легенда о Чингисхане. — Советская этнография, 1973, № 5.

5. *Джавахишвили И. А.* История грузинского народа. Тбилиси, 1966, т. 3, с. 55 (на груз. яз.).

6. Материалы по истории Азербайджана из “Тарих-ал-Камиль” (Полного свода истории) Ибн-ал-Асира. Баку, 1940, с. 160-161.

7. *Бунятов З. М.* Сведения Шихаб ад-Дина ан-Насави о Грузии. — В кн.: Грузинское источниковедение. Тбилиси, 1977, т. 3, с. 160; *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда. М., 1963, с. 180-186, 222.

8. Материалы по истории Азербайджана..., с. 160.
9. Там же, с. 161.
10. Там же, с. 156.
11. Там же.
12. КЦ. Тбилиси, 1955, т. 1, с. 370 (на древнегруз. яз.); *Джавахишвили И. А.* История грузинского народа, т. 3, с. 14 и др.
13. Материалы по истории Азербайджана..., с. 156.
14. *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. М.; Л., 1960, т. 2, с. 27-28; см. также: *Меликишвили Г. А.* Политическое объединение феодальной Грузии и некоторые вопросы развития феодальных отношений в Грузии. Тбилиси, 1973, с. 68 и след, (на груз. яз.).
15. *Буниятов З. М.* Указ. соч., с. 160.
16. *Джавахишвили И. А.* История грузинского народа, т. 3, с. 56. Аналогичное мнение в связи с этим сведением грузинского анонима высказал и Я.А. Манандян, по замечанию которого правитель Хорезма мог представлять, сколь опасно было для него расточать свои силы в Закавказье в то самое время, когда ему с востока неумолимо грозили полчища Чингисхана (*Манандян Я. А.* Критический обзор истории армянского народа.— В кн.: *Манандян Я. А.* Труды. Ереван, 1977, т. III, с. 200. На арм. яз.).
17. *Рашид-ад-дин.* Указ, соч., т. 2, с. 30.
18. Там же.
19. *Босворт К. Э.* Мусульманские династия. М., 1971, с. 154.
20. *Петрушевский И. П.* Указ. соч., с. 114, 130.
21. *Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насаби.* Жизнеописание султана Джелал ад-Дина Манкбурны / Пер. с арабского, предисловие, комментарии, примечания и указатели З. М. Буниятова. Баку, 1973, с. 450.
22. *Рашид-ад-дин.* Указ. соч., т. 2, с. 27.
23. См. там же, с. 30.
24. *Сихарулидзе Ю. Н.* Борьба грузинского народа за свою независимость в XIII-XIV вв. Тбилиси, 1963, с. 74 (на груз. яз.).
25. КЦ, т. 2, с. 171.
26. КЦ. Тбилиси, 1973, т. 4 / Подгот. к изданию с. Г. Каухчишвили, с. 202 (на груз. яз.).
27. Автор Жизнеописания Джелал ад-дина сообщает примечательный “диалог” между хорезмшахом и одной из его спутниц во время магических действий для вызывания дождя, отразивший противоречивую оценку хорезмшаха современниками: “В вызывании дождя ты неискусен, ведь ты навредил людям обилием твоих дождей”. Султан ответил: “Дело обстоит не так, как ты думаешь, это

действие — результат старания, а мое усердие не может сравниться с усердием кого-либо из моих гулямов” (*Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насаби. Указ. соч., с. 288*).

28. Там же, с. 294-296.

29. КЦ, т. 2, с. 163-186.